

Степаненко К.Н.

БАШНЯ

2019

ЛЕ ФОРТ

В год 7184 по сторославянскому исчислению или в 1674 – по григорианскому календарю, в своем славном доме на главной площади датского Копенгагена досточтимый Ван дер Хоффен, глава известной во всей северной Европе Восточной торговой компании, принимал своего английского коллегу, сэра Рэджинальда Фица. Представитель туманного Альбиона был президентом английской Московской компании, самой богатой и могущественной на тот день и в том регионе Европы коммерческой артели купцов, имевших эксклюзивное право на торговлю со сказочно богатой Московией.

Датские негоданты из Восточной компании, входившие в Ганзейский союз, тоже торговали с севером Руси, но им было запрещено заходить в такой близкий и желанный для них незамерзающий порт Архангельска, куда русские купцы свозили свой столь ценимый во всем остальном мире товар – пушнину, моржовый клык, корабельную древесину, мед и китовый жир. Да и много чего интересного для коммерции привозили в Архангельск русичи, прежде всего, поморы и новгородцы, от масла и рыбы до железа своей особой, русской, ковки. Только английские купцы могли торговать в Архангельске, контролируя и перекупая к своей выгоде весь товар.

Англичане тогда обошли всемогущую Ганзею, торговавшую с Московией и одновременно ненавидящую её. Ненависть эта проистекала из извечной вражды протестантизма и православия, доходя порой до прямых враждебных действий.

Так, в 1548 году по поручению царя Иоанна Четвертого саксонский купец герр Шлитте нанял в разных городах Европы 123 мастеров разных специальностей для работы в Московии. Всех их

привезли в Любек, где они и были и арестованы по приказу Ливонского ордена и возвращены по месту жительства без права пересекать границу в сторону Московии. Сохранилось письмо ревельского магистрата от того же 1548 года, в котором сказано, что «страшные бедствия постигнут Ливонию и всю немецкую нацию, если московиты овладеют знаниями Запада».

В те времена весь торговый оборот с Русью европейцы должны были осуществлять через ливонские Ревель, Ригу и Нарву, и только на ганзейских кораблях. И Ганзейский союз наложил табу на доступ ремесленников из Европы в Московию.

В 1570 году на всегерманском форуме царствующих в Европе фамилий и уже зарождающихся буржуазных республик наместник императора Карла Пятого герцог Альба заявил, что ни одна европейская пушка не должна попасть в Московию, «ибо будет она обращена против Европы».

Тогда же в европейских городах появились бесплатные так называемые «Летучие листки», из которых, прежде чем пустить их по полезному назначению, грамотные европейцы могли узнать, что все московиты – дикари и варвары.

И в этих условиях Англия сумела получить беспрепятственный доступ к богатствам Руси!

Завидовали датчане, голландцы, да и вся Ганзея этой неслыханной удаче англичан, пересказывая друг другу под печальный звон оловянных кружек ту похожую на сказку историю из прошлого века. Да кроме как чудом для высокомерных англичан и не назовешь тот шторм 1553 года, который разметал корабли экспедиции капитана Ричарда Чеслера, направленного царствовавшим тогда в Англии Эдуардом Шестым отыскать северный путь в Китай и Азию. Часть кораблей выбросило на берег в аккурат у Архангельска, а самого Чеслера, как диво заморское, доставили к Великому Московскому князю Иоанну Четвертому.

Чеслер успел снять с разбитого кораблю богатые и затейливые подарки, которые, вместе с остроумием и умением англичанина «дипломатично» играть в шахматы произвели такое впечатление на московского царя Иоанна, что тот, находясь в редком для него хорошем расположении духа, осыпал представителей Альбиона всеми возможными почестями, включая торговые привилегии. Сделал он это, конечно, в пику Ганзее. И у ганзейских негоциантов до сих пор оставался вопрос – за что англичане, так любезно принятые московитом Иоанном Четвертым, прилепили ему прозвище «Грозный», которое совершенно не отвечало деяниям покойного царя московитов.

Почти полвека Московская компания процветала, затмевая своими прибылями известные индийские и китайские компании. Наряду с возросшей военной мощью Англии эта её успешная торговля с Московией позволяла Альбиону диктовать свои условия соседям по региону.

Потому и был так заносчив сэр Реджинальд Фиц, с брезгливой гримасой осмотревший совсем не убогий дом датского негоцианта, дав себя уговорить отведать в личном кабинете Хоффена особый сорт кофе и принять в подарок целый мешок зерен оногo. По тамошним временам, этот подарок стоил безумных денег, и датчанин рассчитывал хотя бы на любезную благодарность. Но Фиц холодно блеснул стеклом лорнета, заменив слова легким кивком.

Ван дер Хоффен знал, конечно, уязвимые места гостя. Не зря ведь тот совершил неблизкий путь и попросил о тайной услуге. У купцов всегда была хорошо поставлена разведка, и датчанин знал о том, что русские купцы, недовольные открытой нечестностью англичан, направили на Московскую компанию челобитную новому московскому царю Алексею Михайловичу Романову. В ожидании решения царя, московиты сократили подвоз товаров в Архангельск, предпочитая более длинный и опасный южный путь «из варяг в греки» по сети русских рек. И совсем недавно, как сообщили Хоффену, новый русский царь, явно не обладавший

такой любовью к англичанам, как Иоанн Васильевич, отменил почти все торговые привилегии англичанам, открыв Архангельск и другим иноземным негоциантам.

И уже готово было сорваться с уст гордого датчанина, в котором кипела кровь его предков – викингов, острое слово в адрес англичанина, но вовремя вспомнил он, что Великим магистром его ложи является тоже англичанин, а сам сэр Фиц выше его, «мастера» Хоффена, по положению в масонской иерархии. Сложив особым образом, по-орденски, руки в знак уважения к старшему брату, Хоффен произнес негромким, как и положено у «вольных каменщиков», голосом.

- Как вы и просили, он здесь и готов к беседе.

- Он посвящен?

- Да, прошел годичное испытание под наблюдением наших братьев. Обряд был проведен в прошлое новолуние.

- Ваше мнение, он в состоянии справиться с заданием?

- Он готов. Надо лишь поставить задачу, но это – уже ваше дело.

- Расскажите о нем.

- Храбр, умен, честолюбив. Хорошо то, что в приязни к Лондону его не заподозришь. В последней войне он сражался с войсками его королевского величества на стороне Голландии, и многие англичане имеют повод его ненавидеть.

- Так он – наемник?

- Да, как и большинство его соотечественников – швейцарцев.

- Что он хочет для себя?

- Как все – быть полезным.

И, чуть помедлив, Хоффен добавил вполголоса.

- А также славы и денег.

- Пусть зайдет. А вы убедитесь, что нас никто не слышит. За дверью!

С усилием сделав вид, что не обиделся, Ван дер Хоффен позвонил в колокольчик, и, услышав ответный сигнал, распахнул дверь в комнату.

- Господин Франц Ле Форт. К вашим услугам, сэр!

Выйдя из комнаты и затворив за собой дверь, датчанин увлек за собой сопроводившего гостя камердинера и громко протопал через всю залу. Со стуком закрыв за собой вторую дверь, он снял башмаки, и, приказав знаком слуге молчать и испариться, прокрался в одну из потайных комнат, откуда можно было видеть и слышать всё, происходящее в кабинете.

«В моем доме тайн для меня нет» - подумал датчанин, удобно располагаясь в кресле у маленького окошка и слуховой трубы.

Ему хорошо было видно, как вошедший в кабинет рослый и широкоплечий молодой человек сначала в некоторой растерянности остановился, явно не зная, как вести себя в непривычной обстановке. Заметно наслаждаясь смущением вошедшего, Фиц, не торопясь, допил крохотную в его большой руке чашечку кофе и лишь затем поднялся во весь свой немалый рост, являя швейцарцу свою дородную, уже начавшую грузнеть, фигуру. Изобразив на лице подобие приветливой улыбки, он протянул левую руку для традиционного масонского приветствия. Ле Форт, еще не привыкший к специфике церемониала, снова сделал паузу, но быстро собрался и ответил должным рукопожатием.

После приветствия, доказавшего, что они оба принадлежат к одному кругу избранных, Ле Форт с явным облегчением вздохнул и, повинувшись приглашающему жесту Фица, присел на полукресло, где еще недавно сидел хозяин дома.

Из своей наблюдательной комнаты Ван дер Хоффену, еще обладавшему острым зрением моряка, было видно, как по лбу швейцарца струился пот из-под дорожного парика.

Удобно устроившись в своем кресле и налив себе в хрустальный бокал из такого же хрустального графина божественной мальвазии, Фиц, не прекращавший буквально буравить молодого человека своими пронзительными маленькими глазками, начал расспросы.

-Так из какого города Швейцарской федерации изволили прибыть, господин капитан?

- Еще лейтенант, но надеюсь стать генералом, - быстро ответил Ле Форт, - а родом я из Женевы.

И, не дожидаясь дальнейших нудных вопросов, быстро и четко заговорил сам, демонстрируя неплохое знание английского.

- Отец мой печет хлеб, но мне его дело кажется скучным. В 17 лет я нанялся ландскнехтом. Хозяев было много, воевал и с французами, и с англичанами – прошу меня простить, сэр, и с голландцами. Стал лейтенантом, но мне уже обещан чин капитана.

Видя сметливость и быстроту ума молодого наемника, Фиц тоже сменил тактику беседы, перейдя, как в сабельном бою, к тактике «выпад – защита».

- Как вы относитесь к учению вашего земляка Кальвина? К его «видимой церкви», отрицающей догматы и ритуалы католической церкви?

- Целиком его поддерживаю. Мне тоже претит показной блеск, поклонение идолам и распущенность католического клира. Это было одной из причин моего вступления в ложу.

- Похвально видеть такую убежденность и решимость у молодого еще человека. То есть, вы строго следуете завету Кальвина о предопределенности судьбы каждого человека, верите

в свою избранность для решения только вам уготованной задачи и будете действовать твердо и энергично для её решения?

- Это так.

- Кто же вам поставит эту задачу? Ваш пресвитер из церковной коммуны?

- Я покинул родной город и коммуну. Я – верный адепт ложи, и жду от вас, своего магистра, путеводного указания.

Фиц еще не стал магистром ложи, но очень этого хотел, и ему были приятны слова Ле Форты. Хоффен, в своем наблюдательном гнезде, тоже был удивлен словами молодого швейцарца. Перед встречей он подробно инструктировал Ле Форты и четко объяснил тому положение и статус высокомерного англичанина в масонской иерархии.

«Ай да наемник! Далеко пойдет с таким умением льстить и лицемерить!» - датчанин зажмурился от удовольствия и отпил из припасенного бокала за себя. Умного и проницательного, который так хорошо выполнил указание Фица, да еще и получил возможность обломать когда-нибудь рога этому лондонскому спесивцу с помощью женевского проныры!

Дальнейшую беседу Ван дер Хоффен слушал уже не так внимательно, разомлев от вина и тепла хорошо протопленной тайной комнаты.

А далее Фиц говорил молодому швейцарцу о расстановке сил в Европе, о реальных правителях Старого Света, о неустанной борьбе, которую истинные друзья Человека – масоны уже много веков ведут с отсталостью и пережитками темного прошлого. Уже несколько раз в его высказываниях была названа Московия, которую он называл то Русью, то Тартарией, но всегда – оплотом борьбы с передовым Западом.

Почти допившего графин Фица потянуло на исторические размышления, и он уже не обращал внимания на явно

осоловевшего Ле Форта. Тот давно перестал смотреть с надеждой на опустевший графин и довольствовался спелыми виноградинами, которые он украдкой таскал из большого блюда с экзотическими фруктами.

- Тебе, мой молодой брат, кажется, что Европой управляют короли? Как бы не так! Европой управляют деньги! И только деньги! И скоро настанет день, когда банки сметут правительства и дадут людям новое бытие.

Ты знаешь, что такое – банки? Даже в твоей Гельвеции, то есть Швейцарии, уже есть банки, правда, еще маленькие. Но вы там, в ваших никому не нужных, но так удачно расположенных в самом центре Европы, горах, имеете все возможности стать хранителями денег, больших денег, про которые не должны знать посторонние, и которые никто не отнимет силой. Ведь ваши горы неприступны, а вы, швейцарцы, умеете воевать и лихо орудовать вашими знаменитыми алебардами.

А знаешь, кто придумал банки? Евреи!

При слове «евреи» уже задремавший, было, Ван дер Хоффен проснулся. Его любимой женой была красавица еврейка Соломея из семьи ювелиров – марранов. Несмотря на вынужденное крещение, не было им покоя в христианской Европе. Сначала они бежали от инквизиции из католической Испании в протестантскую Голландию, откуда уже, спасаясь от кровавого герцога Альбы, перебрались в Данию...

Здесь им, гонимым, и оказал содействие скромный датский негоциант Хоффен. Оказал безвозмездно. Почти... Ну разве можно считать платой за доставку морем и временное размещение у себя на складе семейства ювелира те пару камушков прекрасного зеленого цвета. Такого же цвета были и глаза молоденькой Соломеи, так лукаво смотревшей на бравого датского морехода, что Хоффен, не долго думая, попросил у старого ювелира руку его дочери. Датчанин не знал, да никогда и не узнает, что решение

взять его в семью гонимого ювелира было еще на корабле принято на семейном совете семьи. Поломавшись для вида, папа, мама, бабушка и два брата Соломеи ответили Хоффену согласием.

В качестве приданного за дочь старый Гольбах отдал Ван дер Хоффену, тогда еще скромному морскому негоднику, мешочек разноцветных сияющих камней. Затем, по совету Соломеи, на часть этих камушков Хоффен, владевший тогда лишь одним потрепанным кораблем, купил значительный пай в только что созданной Восточной компании, а затем, удачно совершая сделки и правильно строя взаимоотношения с коллегами, стал её главой. По совету всё той же мудрой жены, Ван дер Хоффен заявил о своем желании вступить в масонскую ложу. Сначала ему было отказано, поскольку не все братства вольных каменщиков в то время принимали иудеев или их родственников. Тогда Соломея принесла ему несколько камушков из «фамильного мешочка» и посоветовала, кому из влиятельных масонов их подарить. Недоразумение было исчерпано, и Ван дер Хоффен был посвящен, а затем стал расти по иерархической лестнице масонской ложи. За это он еще больше стал любить свою жену, тем более, что она сказала, что по законам Торы их дети тоже считались евреями. Временно крещеными или нет, не имело значения. А он любил своих детей. Всех пятерых....

А Фиц, заметивший на поставце в углу кабинета еще пару кувшинов с вином, пальцем указал Ле Форту налить себе еще. Воспользовавшись моментом, швейцарец налил и себе полный бокал. Жизнь налаживалась!

- Так вот! – продолжил Фиц, - мало того, что евреи, эти хитрые, но очень умные люди, изобрели всеобщего бога, написали себе Тору и дали людям Христа, они еще и придумали банки. Когда Христос выгнал торговцев – менял из Храма, те, видимо, не разбежались, а собрались где-то рядом и организовали банк. С ссудами, кредитами, передачей безналичных денег в любые

страны, откуда приезжают паломники и купцы, и где есть евреи. А поскольку они есть везде, то дело пошло.

Когда Папы из Ватикана организовывали крестовые походы, они, помимо прочего, ставили перед крестоносцами задачу поставить банковское дело евреев себе на службу. Но рыцари в большинстве своем были туповаты и выполнили только первую часть приказа. Они вырубали тех израильтян, кто попался под их мечи, но денег и самой сути банковского дела не нашли.

Но тут появились рыцари Храма, тамплиеры. Сделав вид, что охраняют паломников, они стали активно копать развалины Храма и нашли какие-то свитки. Сами в них не разобрались, но догадались пригласить местных. Или тех им подставили, что наиболее вероятно... Местные быстро рассказали тамплиерам суть действия банковской системы. Денег, конечно, не отдали. Иначе они не были бы евреями. Но у тамплиеров были свои деньги. Ну, тех, паломников, которых они охраняли... И еще были бездонные кошельки самого Папы и тех христианских королей, которые свято верили в добродетель. Через пару десятков лет тамплиеры владели самым лучшим, а главное – единственным банком, который обслуживал самые крупные капиталы Европы. А консультантами у них были потомки, или родственники, тех самых иерусалимских банкиров, которые и научили их банковскому делу.

И, кстати, погибли тамплиеры из-за денег. Король Франции, почему-то названный Красивым, не смог отдать им долг и попросту... убил их. Денег, правда, не нашел. Как и тех консультантов.

Но деньги с тех пор правят миром. Это признает и основатель твоей церкви Кальвин. Правда, он говорил о том, что нельзя наживаться на бедных и давать в долг под проценты, но это уже к делу не относится.

Увидев, что при этих словах Ле Форт поморщился, Фиц сделал ловкую попытку вернуть себе расположение швейцарца.

- Ты говорил, что хочешь стать генералом? И ты им обязательно станешь. А пока – возьми вот эту добавку к твоему лейтенантскому жалованию, и давай поговорим о твоём задании.

Увесистый кошель со звенящими монетами усыпил все сомнения молодого швейцарца, и, прицепив его к поясу, он приготовился внимательно слушать своего магистра.

Сам неоднократно привлекавший людей к наушничеству и тайным действиям в свою пользу, Ван дер Хоффен наслаждался искусством, с которым Фиц плел паутину словес и завлекал в неё своего собеседника. Вернее, молчаливого слушателя, ибо Ле Форт, пораженный новизной и необычностью открываемого перед ним нового мира, не мог ни словом перебить маститого Фица.

- Итак, мой молодой друг, поговорим о Московии. Или Руси, или Великой Тартарии. Что суть одно и то же. Страна эта обширна и богата. Очень богата.

Правящая ею нормандская династия Рюриковичей фактически закончилась на кесаре Иоанне Четвертом. Его сын Федор, конечно, успел немного поцарствовать, но в этот короткий срок не оставил после себя ничего значимого, включая наследников. К счастью, в последовавшей после его смерти смуте католическая Польша не смогла возвести на московский престол кого-то из своих Гедеминовичей, имевших право на этот трон. Выгнавшие поляков бояре, московское войско – стрельцы и вольное войско - казаки, возвели на трон новых царей – Романовых. Те, хоть и находятся в отдаленном родстве с основателями Московии Рюриковичами, но прямого отношения к трону не имели. Но сели на него законно, не подкопаешься!

И если последний из значимых Рюриковичей – царь Иоанн Четвертый, стремился к просвещенному Западу, боролся с варварскими обычаями Руси и даже пошел на открытое противостояние с католической церковью, отказавшись под её сенью царствовать и в Польше, и на Руси. Он даже хотел сблизиться

с нами, протестантами, предложив себя в мужья нашей любимой королеве-девственнице Елизавете.

Но эти Романовы- совсем варвары. Возрождают старые обычаи и даже сами возглавили свою православную церковь, нашего непримиримого врага! Вот с ними мы и будем с вашей помощью бороться. Это и есть ваша жизненная цель. Готовы ли вы, со всей силой и упорством выполнять эту задачу, мой друг? Готовы ли вы поехать в Московию и там, на месте, сделать всё, что мы, ваши братья по церкви и нашему ордену, от вас попросим?

Ле Форт был ошеломлен.

- Я, конечно... Ваше слово для меня – закон...Но как я...Потом, у меня были другие планы...Думал послужить нашим интересам здесь, в Европе...

- Рад, что не ошибся в вас, - Фиц сделал вид, что не заметил растерянности молодого швейцарца.

- Теперь к деталям. Слушайте и запоминайте. Записывать ничего не надо. Нынешний московский царь Алексей Михайлович стар и немощен. У него четверо детей – Федор, Софья, Петр и Иоанн. Последний слаб здоровьем и головой. Петр еще очень молод. Софья умна, деятельна, но по московским законам, ей суждено закончить свой век в одиночестве, в монашеской келье. Наследником будет Федор. Он достаточно образован и тяготеет к западной культуре. Хотя тоже слаб здоровьем. Вот к нему вам и надо будет войти в доверие и стать незаменимым помощником. Тем более, как нам известно, он собирается реформировать своё войско, построив его по европейскому образцу. Тут вам и карты в руки!

- Но как я смогу попасть в его окружение? – швейцарца еще терзали сомнения.

- Здесь всё просто. Его правой рукой является боярин Василий Голицин, наш помощник и единомышленник. С ним вас

познакомит датский посланник, в свите которого вы в скором времени отправитесь в Москву. Итак, жду от вас добрых вестей об успехе вашего становления при московском дворе и скором крахе Романовых на благо нашей церкви и ордена!

Фиц поднялся, давая знак, что аудиенция окончена. Последними его словами при выходе из кабинета были:

- Я помню о ваших планах стать генералом. Поверьте мне – в Московии это может произойти гораздо раньше. А пока не получите генеральского жалования от тамошнего царя, будете получать от меня такое же вознаграждение. Но только за достоверную и полезную информацию. Об оплате ваших услуг за конкретные дела, если таковые понадобятся, поговорим отдельно. И чтобы вам легче было работать, знайте, что и Голицин, и посланник Дании – наши братья по ложе.

Письма будете направлять через датского посланника на имя нашего хозяина – любезного Ван дер Хоффена.

Последние слова он буквально выкрикнул прямо в глазок, через который хозяин дома наблюдал за происходящим.

Или это просто показалось помертвевшему от страха датчанину?

В путь датское посольство тронулось в конце ноября. Не любивший холод Ле Форт только потом понял, почему поехали так поздно. Чем дальше от славного Копенгагена шел их караван карет и повозок на восток, тем хуже были дороги. Когда швейцарец поделился своими соображениями с посланником, тот подтвердил правильность догадки.

- С москвитами можно воевать или летом, или зимой.

И, помедлив, добавил:

- Но зимой очень холодно. А лето очень короткое. Лучше совсем не воевать, а то только и делать, что повозки с колес на полозья переставлять. Да обратно.

В Москву прибыли, когда снег уже стал таять. Датский посол, как и было предусмотрено, представил Ле Форту «сильному» боярину Василию Голицину, но тому или не понравился наглый швейцарец, всё норовивший схватить его руку каким-то особым масонским жестом, то ли ему было давно наплевать на все эти каменщиковые шалости. В общем, Ле Форту он на «теплое место» не пристроил, чем сильно ударил по самолюбию амбициозного швейцарца. Посланнику ничего не оставалось делать, как взять Ле Форту к себе секретарем. Так незадачливый агент английской ложи прожил в Москве целый год, время от времени пописывая Ван Хоффену разную бытовую чепуху и сплетни о царёвом дворе. Кошельки, которые ему иногда передавал посланник, становились все меньше. А жизнь – всё скучнее. Ле Форт уже, было, решил, что совершил глупость, связавшись с Фицем, масонской ложей и этой поездкой в чужую ему Московию.

Но тут он познакомился с полковником киевского гарнизона, который, скорее шутя, предложил скучающему заморскому молодцу, имевшему боевой опыт, место в своем гарнизоне. К удивлению полковника, Ле Форт согласился. И началась жизнь!

Сшибки с крымскими татарами, не оставившими привычку налетать на малороссийские хутора за добычей, шумные попойки с бравыми стрельцами и казаками. Швейцарец быстро стал стрелецким сотником и задумывался уже о налаживании новой, привычной ему жизни среди нравившихся ему свои весельем и отвагой людей. В это время умер царь Алексей Михайлович Романов, и его трон перешел к старшему сыну Федору. Но всё это было в Москве, так далеко от Малороссии, где геройствовал швейцарец.

Получив заслуженный отпуск и приличное вознаграждение за свои ратные подвиги, Ле Форт решил навесить семью и провести былых знакомых. Возвращался он через Копенгаген, решив заглянуть к Ван дер Хоффену. Поводов сердиться на датчанина у него не было, а посмотреть на того, кому он целый год отписывал свои депеши, было приятно. И, конечно, хотелось похвастаться своими успехами на новой воинской службе. Хоффен не удивился визиту, а поприветствовав швейцарца масонским рукопожатием, сразу сопроводил в свой кабинет. Там ничего не изменилось, и это навлекло на Ле Форту грустные мысли о вечности некоторых явлений и понятий.

Хоффен налил швейцарцу в бокал из знакомой тому фляжки и, открыв в шкафу потайной ящик, положил перед новоиспеченным стрелецким сотником запечатанный конверт и увесистый кошель с монетами.

- Мы знали, что вы находитесь в Европе, и надеялись, что зайдете по известному вам адресу. Оставлю вас для ознакомления с посланием капитула нашей ложи, поскольку дать письмо вам с собой не могу.

Когда датчанин вышел, Ле Форт хотел уже вскрывать письмо, но решил сначала заглянуть в кошель. Монеты, в отличие от прошлого раза, были золотыми, что могло говорить о серьезности намерений авторов послания.

Письмо было запечатано неизвестной ему печатью с изображением кольца Соломона. Он слышал о том, что подобным образом сам Великий магистр ордена вольных каменщиков, объединяющий несколько европейских лож, отмечает особо важные послания своим братьям, но никогда раньше этой печати не видел. Текст на английском языке был строг и лаконичен.

«Мы внимательно следим за твоим служением в далекой Московии. Не переживай, что не удалось сразу проникнуть в придворное окружение. Главное - тебе удалось закрепиться в этой

стране, и твое положение даёт реальную основу для дальнейшего служения.

Царь Федор Алексеевич при смерти. Идет война за корону между его сестрой и родственниками двух братьев. Нам важна победа Нарышкиных, то есть Петра. Наш общий друг и брат в Московии занял прочные позиции при дворе и поможет тебе, как обещал, войти в ближайшее окружение будущего, надеюсь, царя Петра. По возвращении в Москву сразу явись к нему.

Дальнейшие инструкции – по прежнему каналу. Письмо отдай вручившему его человеку.

Надеюсь и внимательно слежу за тобой.»

Подписи не было. Её роль с достоинством выполнил кошель с золотом.

Честно говоря, Ле Форт, вольготно себя чувствующему в Московии, уже не очень-то и хотелось выполнять команды тайного Магистра и всего его ордена, да и шпионить за своими новыми земляками ему, bravому офицеру и рубаче, казалось уже не вполне пристойным. Но золото, которое он взял, и эта фраза – «внимательно слежу за тобой» - удерживали его в рамках когда-то данной им при посвящении клятвы. «У Ордена – длинные руки, можно еще некоторое время делать вид, что я на них работаю» - успокаивал себя швейцарец.

Минуя Киев, Ле Форт сразу направился, как ему и было предписано, в Москву к боярину Василию Голицину. На этот раз приём был самый радушный. Голицин вошел в «большую силу» при царе Федоре, который, минуя несколько чинов, сразу возвел его в бояре ближайшего круга. В это же время Голицин сблизился с сестрой царя Федора – Софьей и стал любовником этой некрасивой, но умной и по-государственному думающей царевны. Голицину было поручено начать реформу войска, введя в него полки европейского строя и артиллерию. Он возглавил Посольский,

Иноземный и Рейтерский приказы, стал воспитателем царевича Петра.

Боярин сразу отозвал Ле Форту из киевского гарнизона и поручил ему создание двух новых полков и артиллерии. Новые заботы так загрузили швейцарца, что он забыл об Ордене, Великом магистре и его наказах, справедливо полагая, что его высокопоставленный «брат» Голицин позаботится обо всём. «Брат» Голицин за пару месяцев присвоил Ле Форту сразу два очередных воинских звания – майора и подполковника, и ничем больше, кроме как служебными делами, не докучал.

Во время стрелецкого бунта Голицин, спасая Петра, отправил его в Троице-Сергиев монастырь. Туда же он велел прибыть и Ле Форту со своими новыми полками и недавно отлитыми по европейским лекалам пушками. Туда же был направлен еще один «иноземный» полк под водительством Патрика Гордона. Гордон был родственником Ле Форты, которого он выписал к себе при покровительстве Голицина. Немаловажную роль при этом, помимо чисто военных навыков наемника Гордона, сыграло и его масонство.

Затем был неудачный «Азовский поход», после которого Ле Форт всё-таки получил изрядную сумму денег и звание полковника. И радовало его не столько новое звание, сколько независимость от золотых кошельков, которыми его уже не так регулярно снабжал новый датский посол.

Я К О В Б Р Ю С

После стрелецкого бунта Петр, ценивший в людях преданность и личную храбрость, приблизил к себе Ле Форту, ставшего одним из самых близких сторонников царя. Василий же Голицин, несмотря на немалые заслуги перед страной и Романовыми, попал в опалу из-за связи с мятежной Софьей и вскоре пропал в изгнании. А потом из Москвы был изгнан и датский посол, к чему руку, по дворцовым слухам, приложил всесильный при Петре Ле Форт. Швейцарец, давно считавший Московию своей второй родиной, освободился, как ему казалось, от опеки Ордена.

Но вот в один из теплых весенних вечеров к нему явился человек, представившийся дежурному офицеру как посланец семьи швейцарца. Отказать было нельзя, и перед Ле Фортом предстал некто, сразу протянувший левую руку в масонском приветствии. Всесильный фаворит помедлил, не вставая из-за своего стола, заваленного картами, книгами и макетами фортификационных сооружений. Посланец не смутился. Сняв с голову высокую черную шляпу, осмотрелся по сторонам и, убедившись, что в комнате они одни, сказал.

- Велено лишь передать имя – Яков Брюс. Он из Немецкой слободы, служит в Потешном полку.

После чего молча повернулся и вышел.

По наведенным швейцарцем справкам, 17-летний Яков Брюс, нареченный в момент своего рождения Джеймс Дэниэл Брюс, действительно был уроженцем Немецкой слободы, или, по-московски, Кукуя, и уже год как служил добровольцем в петровском Потешном полку.

Брюсы, как рассказали Ле Форту в слободе, происходят из рода шотландского короля и тамплиера Роберта Брюса. В Москву

приехал, спасаясь от травли на родине, еще дед Якова. И сам дед, и отец Якова были военными, служившими за плату в московских рейтерских полках.

Ле Форт вызвал к себя Якова Брюса и был поражен знаниями, любознательностью и широтой кругозора молодого гвардейца, свободно говорившего на нескольких европейских языках.

Брюс не стал скрывать от Ле Форты, что проходит этап испытания перед посвящением в ложу под надзором нескольких «братьев» в Немецкой слободе, скрыв их имена. На вопрос, а что его привлекает в принадлежности к «вольным каменщикам», Брюс ответил коротко – «Знания!», чем окончательно покорила генерала. Ле Форте понравились также резкая критика молодого Брюса в отношении московской церкви и её владык, а также патриархальных порядков на Руси.

Ле Форт, уже полный генерал, на одной из ассамблей представил Брюса Петру.

- Мин херц, рекомендую тебе капрала твоего полка Якова Брюса. Молодцу всего семнадцать, но здоров как бык, перепить может самого «всепьянейшего» Зотова. Но ценен тем, что зело в науках силен, в фортификации и бомбардирском деле, а также астрономии и математических расчетах.

- То, что пить может, то у нас этим никого не удивишь. Хотя и не лишне, если язык за зубами держать умеет. А откуда знания взял? Учился в Европе?

- Никак нет, государь. Дома всегда была славная библиотека. Еще отца и деда, из Шотландии вывезенная. Смолоду читал. Там и языки осилил. Да и учителя в Немецкой слободе хорошие...

На следующий день Петр устроил Брюсу экзамен в своем кабинете, затем ходил с ним в кузню, где отливали пушки, и на стрельбище.

Утром капрал Яков Брюс был назначен адъютантом к генералу Ле Форту.

Весной 2206 года, или 1696 по григорианскому календарю, Ле Форт получил из Лондона указание организовать поездку Петра по странам Европы. Самому швейцарцу и его помощнику Брюсу надлежало исполнять в этой поездке всю дипломатическую работу и посетить самостоятельно ряд мест, перечень которых им будет сообщен уже в Европе.

В те годы все решения принимались быстро, и уже в марте 1697 года Великое московское посольство в составе около 200 человек отправилось по странам Европы. Формально его возглавлял боярин Посольского приказа Федор Головин и генерал Ле Форт. Сам царь под именем Петр Михайлов делал вид, что он просто турист, что позволяло ему совершать неофициальные визиты. Ле Форт тоже встречался, но уже почти официально, с руководителями некоторых европейских лож, в том числе с сэром Рэджинальдом Фицем, получившим, наконец, вожделенный магистерский топорик. Выходя после этих встреч, Ле Форт так ругался, что его адъютант считал за благо, что иностранцы не понимают площадного русского языка.

Во время этого посольства Я. Брюс ездил по европейским столицам по своей программе, в которую он не посвящал даже Ле Форту. Он больше года путешествовал и учился в Вене, Париже, Берлине и Лондоне, где встречался с самыми выдающимися учеными, как правило, «вольными каменщиками» и получал «особые» знания по астрономии, математике, механике и химии. Платил за эту учёбу Брюса, конечно, Пётр.

На встрече с И. Ньютоном, поменявшем к тому времени математику на алхимию и оккультизм, и уже ставшим магистром Ордена, именно Брюсу было поручено организовать первую московскую ложу, так называемую «ложу Нептуна». Из этих своих частных учебных поездок Я. Брюс привозил тщательно

упакованные сундуки, которые тут же отправлял в Москву с царским багажом. Петр слал домой купленные им раритеты, образцы оружия и редкие книги. Что ввозил в Московию Брюс, не знал никто, кроме его самого. Он лишь предупреждал сопровождавшую багаж стражу поаккуратнее обращаться с его сундуками и держать их подальше от огня. «От греха подальше», - многозначительно говорил Брюс. И ему верили.

В посольстве заметили, что перед окончательным отъездом из Европы домой, Ле Форт стал часто уединяться с царем, то бишь Петром Михайловым, с которым долго и горячо о чем-то говорил на голландском языке, хотя прекрасно знал русский.

После возвращения в Москву и праздника новоселья в своем новом доме, еще до поездки подаренным ему Петром, Ле Форт внезапно слег в горячке. Он сгорел за считанные дни. Не отходившему от его кровати Петру он успел прошептать – «Оставляю тебе Брюса. Береги...»

Часовые слышали, как выбежавший из дома Петр долго ругался на «иноземном» языке, а потом тихо прохрипел по-русски – «Достали, псы. Не простили измены. И я не прощу...»

И не простил. Английские купцы окончательно были лишены привилегий в Архангельске, а самих англичан еще долго не привечали при царском дворе.

БАШНЯ БРЮСА

Раннее московское утро 1692 года. Воздух еще свеж и пахнет дымком растапливаемых печей и свеженадоенным молоком. Хозяйки выгоняют коров и коз на выпас, вертится под ногами крикливая ребятня. Гремя алебардами, собирается на дежурство дневная смена стрельцов. Над Стрелецкой слободой, раскинувшейся по всему древнему земляному валу, возвышается старая деревянная сторожевая башня. Построенная еще век назад и не раз горевшая, башня уже лишь напоминала о своем гордом прежнем предназначении – предупредить внезапный подход неприятеля к стольному граду и оповестить звоном сторожевого колокола об угрозе.

Глядя на ненавистных ему стрельцов, мешкающих у своих дворов и не спешивших исполнять опостылевшую государеву службу, Петр лишь морщился.

«Когда же я разгоню вас, кафтанников. Толку от вас...Небось по-прежнему в монастырь бегаете, под окна моей разлюбезной сестрицы, распутницы и смутьянки. Ну да я крепко её стерегу. И муха не пролетит...

Все войско у меня скоро будет иноземного строя, как мои Измайловский и Преображенский полки, подтянутые, с хорошим огневым боем. А вас, толстопузые, заставлю на стройках работать. Много у меня чего построить планируется! Вон мой любезный Брюс опять что-то чертит у себя в тетрадке. Опять диковину изобретает...»

Так или не так думал Петр, мы никогда не узнаем. Но вскоре после этого дня деревянную башню разобрали и начали строительство новой, каменной. По чертежам, где стояли три подписи – Ле Форта, самого Петра и Я.Брюса. Первые два этажа с непривычной для Москвы широкой лестницей, ведущей к главному входу над хозяйственным цоколем, спроектировал военный архитектор Чоглоков, по полной аналогии с Троицкой и Спасской башнями Кремля. Потом уже, по задумке Брюса, надстроили башенку с курантами, специально завезенными из английского Оксфорда.

Брюс строил для себя. Во всем здании разместили Навигацкую школу, которую Брюс торжественно открыл и возглавил в 1701 году. Часть второго этажа отдали под Рапирный и Такелажный залы, на третьем этаже разместили учебные классы, где готовили элиту военной мощи страны – морских офицеров, артиллеристов и военных инженеров.

Вход в венчавшую здание башенку был запрещен посторонним под страхом смерти. Или Брюсова проклятия. И неизвестно, что еще было страшнее. В башенке была лаборатория Якова Брюса, его библиотека и собственная обсерватория.

Народ видел по ночам свет в оконцах башенки, слышал оттуда странные звуки, видел даже летающих с металлическим скрежетом огромных птиц с сидящим у них на холке белобородым колдуном в черной высокой шляпе. В колдуне все единодушно узнавали самого Брюса. Якобы варил он в своей лаборатории разные зелья, искал мечту всех алхимиков – философский камень.

Но главное – были у Брюса два предмета, привезенные из той самой поездки по Европе. Эти предметы ему, по легенде, передал сам Великий Магистр Исаак Ньютон, сообщивший Брюсу о решении коллегии Великих Магистров всех европейских орденов «вольных каменщиков» основать в Московии новую ложу с целью открыть эту страну, эту Великую Тартарию, для Европы. С этой целью Брюсу

передавались два магических предмета, обладавших властью влиять на черед событий и менять ход истории. Эти были перстень царя Соломона, владелец которого получал власть над людьми, и так называемая «Черная книга», в которой не только была записана участь всякого живущего, но и заложена способность изменить её.

Перстень Брюс всегда носил на пальце, и на просьбы окружающих – дать померить, всегда отвечал:

- Перстень надевается один раз и может быть снят и передан на вечное хранение другому только по велению Свыше. Если снять перстень насильно или с мертвого пальца, насильник умрет в страшных муках.

Этого хватило, чтобы просьбы, даже пьяные, прекратились.

Про «Черную книгу» Брюс говорил, что если её тронет избранный, то не только погибнет сам, но и навлечет неисчислимы беды на весь свой народ. После этого даже Петр отстал от Брюса с просьбой показать Книгу и узнать свою судьбу.

Но своим будущим Петр интересовался все меньше и меньше. И даже астрологические прогнозы, составленные Брюс очень верно и весьма ценимые за это среди московской знати, Петра не интересовали.

Он очень изменился, царь Петр, после Великого посольства по Европе. И хотя окружение и соотечественники хранили свои наблюдения в строжайшей тайне, слухи эти гуляли не только по самой Москве, но и по всему остальному миру.

Прежде всего, обращали внимание на то, что после поездки в Европу Петр изменился внешне. У него исчезла бородавка на носу, хорошо видимая на его юношеских портретах. Разъяснения, что бородавку удалили европейские хирурги, никого не убедили.

Затем, Петр заметно подрос. По возвращении, он не смог надеть свой прежде любимый русский кафтан. Прежние порты были ему сильно коротки. Заметивший это его постельничий

быстро исчез вместе со своими помощниками, а весь гардероб царя поменяли на одежду голландского шитья, изрядный запас которой был привезен из Европы. Чтобы не отличаться от своих подданных, Петр велел всем носить такую же одежду.

За несколько месяцев после возвращения Петра исчезли, умерли или были высланы из Москвы, почти все, сопровождавшие его в Посольстве. Из близких остались только Ле Форт, Брюс, боярин Ф.Головин и А. Меншиков. Но Головин, любивший, по старости, распускать язык, скоро тоже почил в бозе.

Со второй половины Посольства Петр прекратил писать своей прежде очень любимой жене Евдокии Лопухиной, хотя до этого отправлял ей шуточные и любовные послания ежедневно. По возвращении он ни разу не зашел к «своей Дуняше» и почти сразу отправил её в монастырь.

Вернувшись, он не узнавал никого из оставшихся в Москве родственников и знакомых. Те из них, кто любил поговорить об этом, тоже исчезли.

Петр «забыл», где находится библиотека Иоанна Грозного, хотя, по московской традиции специальный дьяк знакомит с этой тайной каждого из венчанных на царство, вскрывая при нем запечатанный конверт и запечатывая его потом заново царской печатью. Дьяк – хранитель тоже бесследно исчез после того, как прилюдно удивился вопросу Петра о библиотеке.

Петр стал плохо говорить по-русски, не говоря уже о письме. В юности изрядно обученный грамоте, он, как и его друг Ле Форт, стал писать наполовину по-немецки (голландски), наполовину по-славянски, но латинскими буквами с массой ошибок. Потому везде таскал за собой писаря.

Приступы лихорадки, которыми стал страдать Петр, по мнению врачей, не могли быть получены в холодной Европе, а были хорошо известны у посещающих южные широты.

И, наконец, у сухопутного с детства Петра вдруг обнаружили такие знания морского дела, что этому удивлялись даже его знакомые иноземцы – капитаны и лоцманы. «Чтобы так разбираться в такелаже и тактике морского боя, мало два месяца поработать на верфи в Голландии. Надо несколько лет провести в плаваниях по океану, в борьбе со штормами и пиратами» - сказал на одной из ассамблей некий ганзейский шкипер. И исчез, вместе со своим кораблем. И грузом.

И последняя «закавыка» - сына Петра, Алексея Петровича, убили тогда, когда он, сбежав из России, стал искать за границей «своего настоящего отца». Записи об этом сохранились в архивах некоторых правящих в Европе домов.

Но вернемся к Брюсовой башне.

В одном из потайных помещений Навигацкой школы была устроена, по всем правилам масонской архитектуры, специальная зала, в которой Яков Брюс торжественно открыл «Нептуново общество», планируя со временем превратить его в первую московскую масонскую ложу. Но, то ли энциклопедисту – алхимику не хватило организаторских и анимационных способностей, то ли не нашел он нужных и подходящих случаю мистико-пафосных слов, но Петр и его соратники – собутыльники не поняли значимости события. На собраниях «Нептунова общества» продолжилась привычная Петру и его сподвижникам вакханалия, с курением табаку, возлияниями в честь Бахуса и плясками. Только дамы, по настоянию Брюса и бывшего на первых собраниях Ле Форты, туда не допускались.

Но, по сути, «Нептуново общество» стало тайным царским советом, где за широким столом обсуждались важнейшие государственные дела. В ближний круг «друзей Нептуна» вошли Меншиков, Шереметев, Голицын, Ле Форт, Апраксин и Брюс.

Фокус с ложей не удался, и масонству в России пришлось подождать. Лет сто.

После смерти Петра Брюс ушел от начавшейся борьбы за власть, в которой активно участвовали «птенцы гнезда Петрова», и уехал в свое имение. Где спокойно обрел вечный покой, оставив за собой не только мистическую славу колдуна – алхимика, но и реальные заслуги перед нашим государством в самых разных отраслях.

Но долго еще народ видел около Башни, московского дома Брюса и его усадьбы странную фигуру. Высокий худой мужчина, в старинном парике и черном плаще, воротник которого полностью закрывал его лицо, появлялся иногда в людных местах, а иногда и в пустынных переулках, печально смотрел вокруг и указывал перстом в черной перчатке то на землю у себя под ногами, то в небо, то на прежние места обитания Якова Брюса.

Шопотом, по большому секрету, народ рассказывал, что странный незнакомец с кем-то пытался заговорить, задавал непонятные вопросы, предостерегал от каких-то поступков. Но чаще грозил перстом и с жестким акцентом кричал –

- Не смей! Не трогать!

Благосклонен он был лишь к московским беспризорникам, коих в множестве водилось на Сухаревской площади с тех пор, как в 1814 году распоряжением московского губернатора Ростопчина на площади открыли рынок. Сначала он работал по воскресеньям и был предназначен для того, чтобы ограбленные во время французского нашествия богатые москвичи могли найти и выкупить «пропавшие у них вещи». Тогда и был введен знаменитый сухаревский принцип – «Кто продает, того и вещь!», не позволявший узнавшему свою похищенную собственность человеку требовать её возврата и расправы над «новым владельцем».

Из уважения к прежнему владельцу Башни, а также «собрату» губернатора по ложе, тем же указам вводилось правило – «11 апреля (день рождения Якова Брюса) ворованным не торговать, не

красть, не голосить и покупателей не обирать...». Даже воры и всеильные на рынке городские соблюдали это правило, и люду валом шел в этот день на Сухаревку. Знали – в этот день они под охраной Брюса.

Время шло. Рынок стал работать не только по воскресеньям, но принцип остался. Это было раздолье для промышляющих московских беспризорников, воровавших и проедающих там же, на рынке, всё, что плохо лежит. Вот им и помогал странный «чёрный господин», уводя от погони, предупреждая об опасности и позволяя ночевать вблизи своих охраняемых мест.

И шпана была ему благодарна. Не кричала диким криком, как дуры – торговки, увидя черную фигуру, предупреждала жестами о распознанных в толпе филёрах и никогда не лазила ни в Башню, и в дом великого алхимика.

«Сам в детстве, поди, натерпелся. Понимает нас, неприкаянных...»

Так и продолжал жить среди любимого своего московского люда Яков Брюс. Или дух его, не нашедший покоя после земной юдоли.

Судьбу Брюса долго еще обсуждали в Москве. И то, что не дано ему было иметь детей, дабы не вставал вопрос – кому передавать тайные знания. И легенду его смерти – якобы изготовил Брюс два зелья, мёртвую и живую воду, и последние несколько лет каждый вечер уходил в «иной мир», выпивая «мёртвой» воды, а лакей должен был под утро влить ему в рот «живой» воды, воскрешая к жизни. Именно в «том» мире и являлись Брюсу его знания, там он общался с теми, кто давно ушел, но не смог вернуться...

И вот, в роковой для Брюса день, он выпил «мёртвого» зелья, но так страшен был явившийся ему дух, что закричал «мёртвый» Брюс. Стоявший у его постели лакей вздрогнул и разбил сосуды с «мёртвым» и «живым» эликсирами. Так и почил Яков Брюс.

Эта легенда всегда приводилась в назидание тем, кто любил рискнуть, надеясь на собственное везенье.

После смерти Брюса , весь его архив и всё лабораторное оборудование из Башни, снимаемого им дома на Разгуляе и имения в Глинках было, по приказу императрицы Екатерины, вывезено. И бесследно пропало...

Брюсову же башню, в которой давно не было ни Навигацкой, ни иных школ, запечатали и к ней приставили караул. Но лучше всех замков и штыков её охранял дух самого Брюса, «зажигавший по ночам свет в башенке и летавший над городом на железной птице». Солдаты караулов не выдерживали более двух – трех ночных смен, а любители чужого добра обходили Башню стороной после того, как двух из них, сумевших отомкнуть запоры, нашли внутри здания по их диким крикам, совсем седыми и помешанными.

Примечательно, что один из перстней Брюса любила носить Екатерина Вторая, рассказывающая, что перстень «сам дался ей в руки» во время посещения подвалов Брюсовой башни. Но это был не тот, знаменитый, перстень судьбы, так и канувший в Лету.

Не была найдена в его доме, имении и в Башне и «Черная книга», хотя, по строгому наказу императриц Екатерины Первой, а затем и Второй, её искали очень долго и упорно.

Лишь дочь Петра, сиятельная Елизавета, отказалась от поисков в Башне, строго молвив – «Не надо дразнить прошлое! Укусит...»

Может, чего и знала.

Весьма вероятно, что ученый и алхимик Брюс спрятал эти магические вещи, дабы не тревожить оставленный им мир.

Так и стояла башня, охраняемая и заколоченная, храня свои тайны...

Одна из самых красивых легенд, связанных с этой башней, связана с наполеоновским походом на Россию. Якобы накануне вторжения французского воинства москвичи видели, как к шпилью башни подлетел ястреб с путами на лапах, запутался ими в крыльях украшающего шпиль медного двуглавого орла и с пронзительным криком разбился о землю.

Кстати, Наполеон, войдя в Москву, сразу приказал начать тщательные поиски в Сухаревской башне. Судя по кончине великого французского императора, ничего интересного в Башне французы не нашли.

СУХА РЕВСКАЯ

Морозное февральское утро 1846 года. Кутаясь в бобровый воротник своего парадного пальто, надворный советник Александр Николаевич Прилуков в который раз пожалел о том, что не дождался в тестинном доме отправленный с раннего утра по каким-то надобностям домашний возок с такой удобной медвежьей полостью. Но не мог он опаздывать на эту встречу, потому и пришлось отправлять лакея на угол за стоящими в заиндевелой очереди извозничьими кибитками. И не мог, вишь, паскуда лакей выбрать кого получше, с теплой полостью, да и видом поприятнее. Взял этого болтливого прощелыгу на замороженной кобыленке и с какой-то траченной молью попонке для утепления ног пассажира.

Сам, ведь, лакей и укутал попонкой советничьи ноги, и теперь Прилуков с горечью думал о том, скольких блох привезет он сначала в московское дворянское собрание, а потом и домой. Но на широком Земляном валу игривый ветерок так задувал во все щели, что Александр Николаевич не мог не отметить заботливость лакея.

Возница, довольный «фартовым» пассажиром, и не обращая внимания на пронизывающий ветер, всё норовил в своём огромном тулупе поудобнее повернуться к пассажиру и дорасказать очередную, начатую еще для другой стороны улицы, историю. Только по обрывкам слов, долетающих до его прикрытых теплой фуражкой ушей, Прилуков мог догадываться, что его возница жаловался на недород в деревне, дороговизну в городе, жадность городских, природное «жульство» москвичей. Да мало ли на что жаловались, да и сейчас жалуются люди, занимающиеся не ремеслом, а обслуживанием тех, кто в состоянии платить за их услуги!

Но вот возница остановил лошадь на Сухаревской площади, напротив знаменитой некогда башни, схватил помятое ведро и помчался к фонтану. Купив ведро воды, он подвесил его на дышло своей кормилицы, и пока лошадь, шумно отфыркиваясь, не спешно пила ледяную воды, возница присел на облучок лицом к седоку. Советник понял, что его ждет очередная история, на этот раз во всех деталях. Но ветер внезапно утих, приятно пригрело солнце, и Прилукову вдруг стало уютно в этом возке, и он не был против того, чтобы выслушать очередную жалобу «представителя народа».

- Вот я и говорю, - возница словно продолжил начатый разговор, - ходила вокруг башни эта старушенция в драном салопе со свой собаченцией на руках, а она её в муфте носила, тоже драной, но видать, еще теплой. Собаченция та, злюка такая, брехала на всех, аж слюна из пасти её летела! А старуха все пальцем своим скрюченным всем грозила, всё бормотала о какой-то каре небесной, черном старце и книге. Да, книге! Тоже черной. Во, «Книгой дьявола» называла, где всё про всех записано, и, мол, как явится она народу, тут и придёт Страшный суд. И еще запрещала к башне подходить, чтобы дух «черного старца» не тревожить!

Старуха та вроде из знатных была, одежонка на ей, хучь и драная, но видать, что из дорогих. А собаченцию всё – «девочка моя!» называла. Народ и прозвал её – Драная барыня, а за глаза и за собачонку её злую – Сука Ревская. Вроде как фамилия её была такая – Ревская.

Так и площадь стали называть – Сухаревская. Так что, барин, никаких сухарей здесь не делали!

Напротив фонтана возвышалась мрачная, с зияющими глазницами окон, наспех заколоченных досками, Сухаревская башня, известная в Москве как Брюсова башня.

А.Н. Прилуков, как историк по образованию, окончивший Московский университет, и как коренной москвич, всегда

интересовавшийся историей своего города, хорошо знал, что башня названа в честь стоявшего здесь когда-то стрелецкого полка под командованием полковника Сухарева. Полк не поддержал начатого сестрой Петра Алексеевича Софьей стрелецкого бунта, пришел во главе со своим полковником к сбежавшему в Троице-Сергиев монастырь малолетнему царю Петру и присягнул тому на верность, за что и полку и башне царским указом было жаловано это имя.

Знал Прилуков и о легендах, связанных с этой башней в связи со сподвижником Петра Яковом Брюсом, вошедшим в народные предания как колдун и чародей.

Его заинтересовала названная возницей фамилия пожилой женщины. Ревская? – на память ничего не приходит. Может быть - Раевская? А вот с этой фамилией связано многое... Раевские были не из последних фамилий на Руси, и имена многих Раевских были на слуху.

Пока Прилуков перебирал в памяти всех известных ему Раевских, возница, по-прежнему бубня что-то себе под нос и время от времени поворачиваясь к седоку в ключевых местах своих историй, довез его до величественного здания Московского дворянского собрания, где и была назначена встреча. Щедро расплатившись с радостным возницей (масляница, чай, нельзя скупиться!) Прилуков, разминая затекшие ноги, бодро взбежал по широкой лестнице к парадному входу. Швейцар с поклоном открыл тяжелую дверь, признавая за незнакомым ему, но богато одетым Прилуковым право входить в это святилище московской знати. Получив положенный гривенник, швейцар подозвал гардеробного лакея, принявшего богатое пальто. Важный распорядитель, вальяжно подошедший к советнику, тактично поинтересовался, в какую из зал направляется гость, и ждет ли его кто-либо. Прилуков гордо ответил, что приглашен князем Голицыным отобедать. Услышав фамилию Голицина, распорядитель склонился в почтённом поклоне и знаком показал

советнику, в какую из зал ему следовало направляться. Зайдя в богато сервированный и буквально искрившийся хрусталем в свете люстр и настенных светильников обеденный зал дворянского собрания, Прилуков сразу видел восседавшую в гордом одиночестве за хлебосольно накрытым столом величественную фигуру князя. Советник сразу вспомнил, как третьего дня, на церемонии его посвящения в мастера московской логи, фигура князя была столь же величественна в одеянии Великого мастера логи, в белоснежном переднике и с серебряным мастерком в правой руке. После церемонии, когда новопосвященного мастера «вольных каменщиков» поздравили его коллеги – мастера и подмастерья логи, от лица Капитула Ордена его поздравил сам Великий мастер князь Голицин и сразу пригласил отобедать. Предложение было с благодарностью принято, хотя Прилуков и знал, что они с женой уже были приглашены в это время на обед в купеческом доме его тестя. Он понимал, что и жена, всегда скучавшая в промозгом Петербурге по своей семье, и вся их многочисленная московская родня, будут недовольны его отсутствием за столом, но отказать князю он не мог.

Голицин заметил Прилукова и широким жестом пригласил за стол.

- Я тут позволил себе заказать и на вас тоже, мой друг и брат. Надеюсь, вы не против? Сегодня среда широкой масленицы, по московски – «лакомка», так что прошу отведать, что Бог посылает нам в этот день.

Нет смысла, да и сил, перечислять все, что было заказано известным гурманом князем Голицыным, но могу вас заверить, уважаемые читатели, это было сытно, вкусно и красиво.

Выпив по первой, холодной, рюмке анисовой водочки, и закусив, как и положено, блином с икоркой, князь и советник поудобнее устроились в креслах. Голицин сразу расстегнул все

пуговицы своего жилета. Прилуков позволил себе лишь пару нижних.

- Что, собрат мой, небось неудобно было в масленицу уходить из дома? Ну да ничего. Завтра четверг – «тёщины вечёрки», отыграешься. Да и когда родные узнают, какую ты им весть принесешь, - просят. Ей-богу, простят. Ну, еще по одной!

Выпив, Прилуков приготовился слушать.

Глядя на богатый стол, он невольно вспоминал своё отнюдь не сытое детство и отрочество. Будучи сыном отставного майора, выслужившего лишь личное дворянство и небольшую пенсию, он сумел поступить на казенный кошт в Московский университет, где особо увлекся историей. Студенты - историки тогда были поделены на два лагеря, одни, в основном дети богатых семей и, в большинстве своем, из обрусевших иноземных семей, стояли за нормандскую теорию происхождения российской государственности. Они с презрением говорили о прежней Тартарии, варварстве русских, которым повезло принять сначала нормана Рюрика, а затем ориентированных на Запад Романовых. Отрицая вклад истинных жителей России в её развитие и культуру, они превозносили историческую науку в изложении академика Миллера, возглавлявшего в первом составе российских академиков «пронемецкую» партию.

За шелковую подкладку своих щегольских студенческих тужурок они получили прозвище «шелкоперы».

Вторая партия поднимала на щит теорию Ломоносова, всю жизнь боровшегося с «немцами» за признание самобытности Руси, её издревле славянского происхождения и великой роли славян не только в собственной, но и в мировой истории.

За свои убеждения, а также социальное и материальное положение, этих студентов прозвали «ситчиками».

Прилуков был в университете ярым «ситчиком», гордился этим и сохранил свои убеждения и поныне.

Перед выпуском из университета, на одном из крещенских гуляний на Москва-реке он познакомился с красавицей-хохотушкой Натальей Прохоровной Вешниной, дочерью богатого московского купца. У того было трое сыновей-наследников, уже вошедших в дело. Поэтому он сквозь пальцы смотрел на желание любимой дочери выйти замуж за «нищего, но благородного», и даже дал приличное приданное.

После университета Прилукову, как лучшему студенту из выпуска, предложили работу в столичном Петербурге, в департаменте учебных заведений министерства просвещения. Полный идей способствовать народному просвещению, Прилуков согласился. В Москве после смерти матери его ничего не держало, а перспектива оторвать жену от купеческого «болота» её семьи его только радовала.

Он рьяно взялся за работу, благо желавших ездить по глуши и действительно заниматься народным просвещением особо и не было. Он даже возглавил департамент и получил ранг надворного советника 7-ого класса, дававший ему право на личное дворянство. Но это не радовало его так, как его жену, с удовольствием ставшую дворянкой. Сам Прилуков, словно мотылёк, бился в тисках жесткой бюрократической машины, не дававшей ему возможности реализации. В этот момент его заметили и подошли с предложением о членстве в Ордене несколько его коллег по министерству. Недавний запрет императора Александра Первого всех масонских организаций не смог сразу прекратить их деятельность, и членство в ложе по-прежнему давало хорошее положение в обществе, связи, а главное, на что купился Прилуков, – возможность приобщения к новым знаниям, самопознанию и более плодотворной работе на благо народа.

Став «вольным каменщиком», хотя пока только низшим в иерархии подмастерьем, Прилуков действительно оброс полезными знакомствами, почувствовал уважение к себе и своим проектам в министерстве. На волне этого псевдопризнания он даже внес, среди прочего, на рассмотрение коллегии министерства законопроект об увеличении финансирования сельских и пригородных школ общего обучения. С перевесом всего в один голос проект был отклонен, то есть перенесен на более позднее рассмотрение. Как ему дали понять, причиной тому был «недостаточный вес» самого автора во власть-придержащих кругах. Он прекрасно понимал, что в самом министерстве ему удастся достичь «должных» вершин разве только к отставке и знал, что ещё большую свободу ему может дать лишь рост в иерархии Ордена, и активно над этим работал. Однако в 1840 году император ужесточил действие своего запрета на масонство, и столичные ложи прекратили свою ритуальную деятельность, включая прием новых членов и внесение изменений в структуру.

«Удача способствует ищущему». Прилуков понял значение этой латинской пословицы после той памятной встречи во дворце генерал-губернатора Петербурга. Там принимали делегацию московского генерал-губернаторства. Непонятно, почему, но скромный начальник департамента никому не нужного народного просвещения Прилуков получил персональное приглашение на эту встречу.

В буфете к нему подошел неизвестный чиновник в мундире действительного статского советника с лентой ордена Святой Анны 1 Степени. «Потомственный дворянин» - только и успел подумать Прилуков, как подошедший господин, незаметно для окружающих сделав приветственный масонский знак, увлек его к широкому подоконнику залы, где кроме них, никого не было.

- Я – декан московской ложи Преображенцев. Мне поручено сделать вам предложение перейти в нашу ложу (мы все равно принадлежим к одному Ордену). Мы гарантируем ваше

посвящение в Мастера Ордена и начало нового карьерного этапа. Мы располагаем сведениями, что нынешний ваш начальник господин Мусин – Пушкин буквально воспринял указ императора о запрете на масонские организации, особенно в государственных инстанциях, и готовит чистку аппарата. Ваше имя – в первой десятке нежелательных. Если согласны – завтра должны отбыть в Москву. Приказ о вашем откомандировании уже в канцелярии министерства, и завтра будет подписан. Вы готовы?

Не успел Прилуков сказать о том, что подумает, как его губы сами ответили.

- Да.

Всё было как в сказке. Через два дня они с женой уже были в Москве, прикомандированные к канцелярии московского генерал-губернатора для «инспекции образовательных учреждений». Еще через два дня Прилуков был вызван для «участия в совещании».

Посвящение в мастера ложи проходило в специальной масонской зале знаменитого дома Пашкова на Ваганьковском холме, напротив Кремля. Зала, как позднее узнал Прилуков, была спроектирована масоном Баженовым по указанию заказчика, тоже масона Пашкова. И хотя всё здание было уже четыре года как выкуплено казной для московского университета, и в дневное время там даже проводились лекции, работал университетский музей и библиотека, в тот вечер оно было пустынным и строго охранялось личной гвардией московского генерал-губернатора.

Уже потом Прилуков, копаясь в архивах, узнал, что первоначально на месте дома Пашкова стоял деревянный дворец Александра Меншикова. В историю он вошел разве что тем, что сам царский любимец был нещадно бит царем Петром за постройку дворца на украденные деньги и из ворованных материалов.

А вот дальнейшая история весьма занимательна. У купившего в 1783 году эту землю с разваленным дворцом капитана – поручика

Семеновского полка Петра Пашкова всё-таки дознавались, где он взял такие деньги. Капитан – поручик показал на своего покойного тогда уже отца, Егора Пашкова. На этом следствие и закончилось.

Но любопытный Прилуков дознался, что Егор Пашков был денщиком императора Петра Великого и сделал при своём хозяине «стремительный карьер» - возглавил созданную комиссию по расследованию хищений казнокрадов и получал, по тогдашней практике, имущество осужденных и наказанных. А ещё Егор Пашков стал первым в русской истории винным монополистом, получив от императора право на откуп всех питейных заведений и винокурен Руси. То есть брал себе весь доход, платя в казну малую его толику. Из уважения к императору и его денщику, закрыли тогда глаза на покупку скромного офицера. Со службы, правда, его убрали. Но он и сам, видимо, за неё не держался, добравшись до папиных сундуков.

Но раздосадованный отставной капитан–поручик всё – таки сотворил каверзу кремлевским дознавателям, не поверившим сразу в его честность. Он нашел такого же обиженного Кремлем архитектора Баженова, чей недостроенный Большой Кремлевский дворец был снесён за «бездарность» по приказу императрицы Екатерины Великой. И два «страдальца», кстати, адепты одной ложи, московского филиала английской «Великой ложи», решили отомстить, построив свой дом выше кремлевских строений.

Но всё это Прилуков узнает позже, а пока его торжественного возводят в степень Мастера в той самой масонской зале бывшего дома Пашкова, а ныне – здании Московского университета, спроектированной архитектором Баженовым для торжественных церемоний ложи.

После обряда, проведенного с должным соблюдением церемониала (словно и не было запрещающего императорского указа), его и пригласил «по-братски» отобедать Великий мастер Голицин.

И вот он сидит напротив Прилукова, пристально глядя в глаза новому мастеру Ордена.

- Ну, а теперь давайте прямо, начистоту, как и подобает братьям – «вольным каменщикам». Мы давно наблюдали за вами, как и за всяким новым адептом Ордена. Нам известно о вашем славянофильстве и даже конфронтации с представителями так называемой западной культуры, коих в нашей державе, с легкой руки императора Петра и его потомков, развелось действительно многовато. Я ни к коей мере не противник этнических нероссиян, среди которых много настоящих патриотов нашей державы, доказавших это и пером, и мечом. Вопрос в том, каким путем идти Руси, быть ей впереди, с гордо поднятыми парусами, или тащиться в кильватере, позволяя нас просто грабить, а потом и растащить в разные стороны. Вы – историк, и неплохой историк, и знаете, как непросто было нашим предкам идти своим путем, искать свои истоки и защищать их.

Ничто не стабильно в этом мире. Рассыпаются империи, рушатся самые, казалось, могучие организации. Вот и наш Орден, созданный на вечных идеалах знания, справедливости и любви к ближнему, тоже не избежал внутренних потрясений. Подлинное масонство, верное своим идеалам, так называемое франкмасонство, вошло в конфликт с розенкрейцерами, углубившимися в чистую мистику, символизм, и устранившимися от решения насущных задач. Но и сами франкмасоны не едины в своих устремлениях, позволяя себе использовать структуру Ордена, его дисциплину и камеральность в собственных интересах, или интересах своих кланов или империй, позволяя себе трактовать наши цели под собственным углом зрения.

Как пример – наши братья, вышедшие на Сенатскую площадь в декабре 1825 года за якобы идеалы всеобщего равенства и братства. Представьте, что могло произойти, если бы они свергли правящих Романовых и сами пришли к власти? К чему привел бы их лозунг «Все должны быть равны, но некоторые равнее?». А

лицемерное допущение отменить всеобщее крепостное право, но оставить «избранным» их крепостную челядь? Через несколько лет вспыхнуло бы очередное восстание, и как итог – развал Российского государства.

Но из этих людей создают героев, их боготворит молодежь, не знающая истины.

И если наши первые братья в России – Лефорт, Брюс, мой предок Василий Голицин и иже с ними, были собраны и пытались быть объединены английскими и европейскими «братьями» с целью сменить династию Романовых, ослабить и расчленив Русь в угоду западным торговым кампаниям и банкам, то сейчас ситуация несколько изменилась. Цель, по сути, осталась прежней, но орудием уже не являются масоны. Русское масонство изменились. Можно сказать, что Русь перековала его, и никто не может сказать, не произойдет ли такое с иными. Поэтому против нашей страны напрямую действует торговый, промышленный и банковский капитал Запада, и, прежде всего, Англии, нашего закадычного недруга. Это – страшнее, чем мы с нашей символикой.

Не знаю, доходчиво ли я сумел объяснить вам мои мысли и ощущения, но сейчас идет борьба за умы русских людей, к коим я причислю все народы, живущие на территории Российской империи. «Русские» здесь, как определение, как «американские» индейцы, «индийские» сигхи.... И в борьбе за эти умы очень важна не только ваша работа на ниве просвещения, но и новое поприще, которое я хочу вам предложить.

Голицин перевел дыхание, промокнул салфеткой взопревший лоб. Было заметно, что этот монолог дался ему не легко.

- Хочу предложить вам, мой друг и брат, должность ученого секретаря во вновь созданном императором Русском географическом обществе. Цель Общества – сбор и пропаганда сведений о всей земле нашей державы, народах, ея населяющих,

собрание и приведение в порядок всех документальных источников, создание системы публичного ознакомления с ними.

Вы понимаете, о чем идет речь? О создании прочнейшего фундамента нашего движения вперед, о противодействии всем попыткам изолгать нашу историю.

И вполголоса добавил.

- Думаю, сам государь не смотрел так далеко, подписывая подготовленный нами проект указа о создании Общества. Но мы усмотрели в этом прекрасную возможность сделать что-то полезное, отвечающее нашим представлениям и идеалам.

И продолжил.

- Вы войдете в Ученый Совет Общества, получите гражданский чин 5 класса – статский советник. («Потомственное дворянство» - произвольно мелькнуло в голове Прилукова...). Да – да, сразу статского, минуя 6 класс коллежского советника. Первое время будете работать в Москве, в библиотеках университета, частных коллекций и Кремля. Что-то хотите спросить? – Голицын заметил произвольное движение Прилукова.

- Почему я?

- Да очень просто. На фоне основателей Русского географического общества – Липке, Берга, Бэра, Врангеля, Гельмерсена и Крузенштерна хочется иметь кого-то исконно русского. Ломоносова не нашли, зато нашли Прилукова! – Голицын захохотал, знаком приглашая стоящего поодаль лакея наполнить рюмки.

- Ну и за ваш новый дом! У вас ведь нет своего жилья в первопрестольной? Жить у тещи- купчихи в «примаках» ученому секретарю и действительному статскому советнику как-то неудобно, а матушкин флигелек слишком мал. Вы ведь второго ждете?

Прилуков слушал. И холодел. «Всё знают. Вот уж точно, у Ордена длинные руки...»

- Да, к лету должна родить. Ждем мальчика.

- Уже и имя подобрали?

- Да. Николаем хотим назвать. В честь моего отца.

- Будет Николай Александрович, как наш император. Только в честь его рождения не будут даны положенные при рождении престолонаследника 201 выстрел из сигнальной пушки...

А вы – как его покойный батюшка, Александр Николаевич. Если он покойный....

- Вы тоже верите в легенду о его уходе в старцы?

- А вот вы и проверите! В жизни много легенд. Одни нам помогают. Другие – мешают. Еще надо знать, какие легенды следует поддерживать, а какие – вредны, и должны быть развенчаны. Вам теперь и карты в руки. Но предупреждаю, все ваши выводы и обнаруженные сведения до их широкой огласки должны быть представлены капитулу Ордена, то есть мне или, впоследствии, тому, кто меня заменит на этом посту.

Тут Прилуков вспомнил по сегодняшней рассказ возницы о народной версии названия Сухаревской площади и поделился им с князем. Тот долго смеялся в свои роскошные подусники.

- Как, вы говорите, величали ту старуху? Ревская? Таких не помню. А вот ваша версия про Раевскую вполне возможна. В нашу ложу лет, эдак, с тридцать назад входил Николай Николаевич Раевский, полный генерал, герой войны с французами. Ложу тогда возглавлял князь Трубецкой, сослуживец Раевского. Если память не изменяет, Раевские происходят из старинного шляхетского рода Дуниных и на Русь прибыли в 16 веке, когда и крестились в истинную, православную, веру. Занесены в Бархатную книгу

российского дворянства, то есть чуть ниже упомянутых в «Государевом родословце» Рюриковичей и Гедиминовичей.

Потом Раевские породнились с Нарышкиными и даже каким-то боком были в родстве с матерью императора Петра!

А женат Николай Николаевич был на внучке самого Ломоносова. Как бишь её? Софья, кажется...

- Как вы всё помните, князь! – не удержался Прилуков.

- Полноте, милейший! Я – всю жизнь в Москве, несколько раз возглавлял дворянское собрание первопрестольной. Да и люблю я в истории российской копаться. От наносов иноземных её очистить... Погодите, не мешайте. С мысли сбиваете. Слушайте и ешьте. Вон, рюмку выпейте!

Выпив вместе с Прилуковым, князь продолжил свой рассказ.

Так вот, какая-то там была история с этим самым Раевским. Точно, вспомнил, не каждый год такие афронты случаются в нашем, можно сказать, очень патриархальном Ордене! Этот самый заслуженный генерал и герой несколько лет исправно посещал все заседания, делал доклады по своему полю деятельности – а отвечал он, помню, за опеку над инвалидами и ветеранами той войны, оказание им помощи, организацию домов призрения... И вот на одном из заседаний старичок этот вдруг вскинулся, обвинил нас всех в забвении идеалов и отходу от идей чистого масонства. Были приведены какие-то факты о воровстве, черствости и недолжном исполнении братьями по ложе своих моральных обязательств! Раевский заявил, что не расторгает своей клятвы верности Ордену, но не считает себя обязанным посещать «пустые», как он сказал, заседания и выполнять «никому не нужные» поручения. Он заявил, что возвращается к истокам движения «вольных каменщиков» в нашей державе, будет изучать наследие Лефорта и Брюса и работать над реализацией их замыслов.

- Какое именно наследие и каких замыслов? – скорее наудачу спросил Прилуков.

Голицин посерьезнел, безуспешно пытаясь подцепить соленый рыжик в своей тарелке.

- Не знаю, что он имел в виду. Мы установили, что он часто ходил к башне Брюса, к его городскому дому на Разгуляе и на развалины его имения в Глинках, но что он там искал, и нашёл ли, неизвестно. Он вскоре преставился. Дом его, по указанию военного ведомства, тщательно проверили «на предмет наличия записей и воспоминаний о войне», но ничего там не нашли.

- А жена его?

- Софья после его смерти покинула свет, перестала общаться даже с родственниками. Генеральский дом она отдала обществу опеки над ветеранами войн, а сама стала жить при нем. О ней забыли. Да, и жили они где-то в Ваганьково, недалеко от «не к вечеру упомянутой» башни.

-Князь, вы же словно энциклопедия нашей истории! Я имею в виду и историю державы и историю Ордена. Вы же прямой потомок боярина Василия Голицина, которого считают чуть ли не первым «вольным каменщиком» Московии...

- Не прямой. Моя ветвь рода Голициных идет от его брата, Бориса, но спасибо за ваши слова.

- Расскажите о Якове Брюсе, этой самой таинственной фигуре в истории московской логи. Что вы знаете о нём самом, его перстне и «Черной книге»?

- Тише, мой друг. Здесь стены тоже могут иметь уши.

Яков Брюс – не простая личность в истории нашей страны. И, по всей видимости, чем больше лет пройдёт, тем большим флёром таинственности будет окружена его фигура. Его обвиняют в том, что вместе со своим патроном Лефортом, они добились смены

потомственной русской элиты – боярства, на новую – приобретенное дворянство. Затем, по их настоянию, на Руси был введен новый календарь, уничтоживший память русичей о нашей многовековой истории. Ударом по нашей исторической памяти и обычаям, а также столь ценимой истинными русофилами патриархальности, стало введение с их подачи иноземного платья, чужого языка, табакокурения и пьяной распущенности.

Но есть и положительный опыт работы Брюса в Москве. Его гений признан в архитектуре, астрономии, военной фортификации, математике и даже земледелии. Он был известным химиком и фармацевтом. Хотя... и колдуном, и алхимиком, и чародеем. Но это – в легендах!

Теперь о магических предметах, с которыми связывают имя Брюса. И его масонстве.

Из семейных преданий знаю, что Яков Брюс не стал заниматься, как надеялись привлечь его к братству английские и немецкие масонские ордена, политическими интригами, а ушел в чистую науку. После его смерти несколько возов рукописей отправили по личному указанию императрицы Екатерины в хранилища Кремля, откуда путь их теряется. И это будет одной из ваших задач на новом поприще...

Что касается перстня Якова Брюса. По легенде, не подтвержденной ни одним из найденных пока документов, этот перстень библейского царя Соломона передал Якову Брюсу сам Исаак Ньютон, Великий мастер английской ложи. Из священных текстов известно, что у царя Соломона было несколько перстней, которыми он очень дорожил. В миру чаще говорят о перстне, который Соломон якобы получил от своего отца Давида. На этом перстне были начертаны слова – «Всё пройдет!» А для сомневающихся была сделана еще одна надпись на обороте перстня - «И это пройдет тоже».

Хорошая философская формула, особенно для тех, кто ничего не хочет исправлять сам!

Голицин вкусно выцедил рюмочку под грибок и продолжил.

- У Якова Брюса тоже было много перстней. С одним из них он даже похоронен. Еще один перстень Брюса, найденный в Башне после его смерти, любила носить императрица Екатерина Великая.

Но в записях своего пращура я прочитал, что у Якова Брюса на пальце всегда был другой перстень со словами «SATOR, ARETO TENET OPERA ROTAS». Если переводить с латыни напрямую, какая-то белиберда получается. Видно есть там некий шифр или тайный смысл. Про то нам не ведомо. Но, якобы, обладал тот перстень чудесной силой менять судьбы людей и целых народов. Уж не знаю, воспользовался им Брюс хоть раз, но одно точно – не превратил он Московию, или как тогда её называли в Европе – Великую Тартарию, в безропотную европейскую колонию по образу индийских княжеств и иных туземных племен. Но перстень этот после смерти Брюса искали все и искали очень активно. Перерыли всё, что можно, но, к счастью, не нашли. Страшно даже подумать, а вдруг он хоть на десятую часть так силен?

Что касается «Черной книги», то здесь, по моему рассуждению, полная фантазмагория и мистика. Легенд очень много (опять вам разбираться), но достоверных данных о том, что это за книга, книга ли, найдено не было.

По моему старческому разумению, в основе любой истории, философии, движения или ордена должна быть какая-то мистическая вещь. Артефакт, требующий беспрекословной веры и подчинения. Реален ли он или существует в преданиях, не так важно. На начальном этапе становления новой субстанции, этот предмет желателен в осязании, дабы сомневающиеся могли его потрогать, послушав соответствующие разъяснения, и через это осязание верить в свою сопричастность. А потом довольно и просто легенд, что кто-то якобы видел и почувствовал.

Так и «Черная книга». Это может быть просто миф, призванный укрепить наши ряды, особенно в период их становления. Не исключаю, что если наши ряды зашатаются, то может появиться какой-либо артефакт, который назовут «Чёрной книгой», и поднимут его как знамя. Но трогать его запретят, поскольку - не дай Бог! Ведь было же сказано самим Брюсом – не трогать!

Если вам удастся в своих будущих изысканиях пролить свет на этот вопрос, это будет несомненным плюсом. Вам лично. Но очень осторожно с оглаской подобных сведений. Не дай Бог, это станет искрой, которая даст пламя, готовое смести всё незыблемое.

В заключение обеда, завершено в дружеской беседе о делах московских, и, уже прощаясь на крыльце Дворянского собрания, упакованный в роскошную бобровую шубу Голицин крепко пожал руку Прилукову (обычным, светским образом, ведь за ними следили столько глаз!) и сказал, кутаясь в воротник.

- Удачи вам! Надеюсь, я в вас не ошибся...

На следующий день два рапорта об этой встрече легли на два разных полированных рабочих стола, покрытых зеленым сукном. Первый стол принадлежал российскому императору Николаю Первому, которому начальник его жандармского управления ежедневного докладывал о деятельности запрещенных масонских лож. Прочитав рапорт и взглянув на жандармского генерала, в ответ лишь презрительно сморщившего свои усы, государь отложил рапорт в сторону.

- Пусть тешатся. Лишь бы заговор не плели. А запустить русского в Российское географическое общество – это оригинально. Не находите, уважаемый Либниц?

На всякий случай имейте на нового ученого секретаря подробную справку и присмотрите за его работой.

Второй рапорт лёг на стол посла королевы Виктории, недавно начавшей своё сиятельное царствование в Соединенном королевстве Великобритании и Ирландии. Посол, в отличие от российского императора, не был столь беспечен в отношении прочитанного и тут же стал писать отчет премьер-министру Роберту Пиллю, курировавшему работу послов и резидентов своего островного государства по всему миру. Посол четко понимал, что беседа Голицына и Прилукова привносила новые и важные краски в картину английской антироссийской политики, неизменной в последние 400 лет и предстоящих веков.

Альбион не ограничился бюрократической перепиской. На шахматной доске Большой политики были проведены соответствующие перестановки и сделаны судьбоносные ходы.

Ставка на пока не оправдавшее себя масонство была смещена с английских лож на расцветающие, словно репейник на свалке, французские. Что, впрочем, сути не меняло.

России было отказано в нескольких государственных займах, но открылось обширное финансирование Лондоном кружков народовольцев и анархистов в самой России и за рубежом.

Прилуков, несмотря на свои поистине титанические усилия по поиску интересных и выгодных России сведений в библиотеках и музейных фондах, не сумел добиться их широкой публикации. Общественность так и не узнала правды об освоении русскими Сибири и Средней Азии, о русских в Северной Америке, древних городищах на территории нашей страны и истории славянской письменности. К удивлению ученого секретаря, по инициативе Общества были приостановлены уже запланированные длительные экспедиции вглубь азиатского континента, хотя Николай Первый ранее сам утвердил планы изучения Афганистана, Памира и Монголии. Злые языки говорили о том, что императору Николаю «дипломатично» напомнили судьбу его деда Павла Первого, убитого за то, что хотел организовать поход донских

казаков в Индию и посягнуть тем самым на позиции Альбиона в этом регионе.

Покровитель Прилукова князь Голицин, серьезно пытавшийся помочь русскому секретарю Российского географического общества, внезапно умер во время приема в английском посольстве. Как сказали пытавшиеся ему помочь, а затем и делавшие вскрытие английские врачи, смерть наступила от «апоплексического удара в результате переедания».

Отчаявшийся Прилуков оставил службу в центральном аппарате Российского Географического общества и уехал в его Сибирский филиал, где его следы и теряются.

Ему так и не удалось отыскать следы Либереи – библиотеки Иоанна Грозного, Брюсовых перстня и «Черной книги». Не открылась ему и тайна исчезновения архива Брюса, вывезенного из Башни и имения в Глинках после смерти ученого. Он лишь установил, что первоначально все найденные документы, равно как и «подсобное стекло», то есть лабораторное оборудование, были доставлены в Кремль, в одно из его подземных хранилищ. Потом всё велено было передать университету. На этом следы архива Брюса теряются. В записках писарей, осматривающих архив в Кремле, которые должны были составить подробную опись всех найденных предметов, Прилуков нашел лишь упоминание о многих рисунках неизвестных устройств «воздушного, подземного и водного применения, доселе не известных и потому не поддающихся описанию». Он доложил об этом Голицину, а затем и учёному совету географического общества, предлагая расширить поиски. Его предложение осталось не замеченным. Никто ничего не предпринимал, а в университете, куда через пару месяцев всё-таки была направлена специальная комиссия, ни бумаг, ни оборудования обнаружено не было.

В своей частной записке, подготовленной специально для Голицина, он писал о том, что в царских архивах он обнаружил

записи о том, что сестра Петра 1 Софья дала указание некому дьяку Макарьеву искать в подземельях Кремля Либерию – таинственную библиотеку Ивана Грозного, якобы спрятанную после смерти «Грозного» по приказу патриарха Филорета - отца первого Романова, Михаила Федоровича. Там же, в найденных Прилуковым ведомостях Тайного Приказа, была запись допроса пономаря Конана Осипова, в «состоянии буйного подпития» кричавшего в кабаке о том, что под Кремлем есть сундуки, набитые драгоценными книгами. Под пыткой Осипов показал, что слышал о сундуках от своего друга дьяка Макарьева, открывшего ему эту тайну перед самой своей смертью. Место клада Осипов не знал, «на чем и помер».

Прилуков сообщал Голицину о том, что в ранних книгах, которые вплоть до 1571 года вели управляющие Дворцовым приказом, в ведении которых была вся хозяйственная деятельность Кремля, были записи о библиотеке. Последнее упоминание о посещении библиотеки датировано 1601 годом.

Из разрозненных данных Прилуков сложил следующую картину.

В столице византийской империи Константинополе перед взятием его турками было три библиотеки – Царская, Патриаршья и Публичная. Из осажденного турецким флотом Константинополя специально направленный Папой Павлом Вторым отряд монахов – воинов сумел на одном из торговых судов вывезти Царскую библиотеку и племянницу византийского императора Софью Палеолог. Библиотека больше года была в Ватикане, где с ней работали папские библиотекари. Когда Папе удалось сосватать 14-летнюю Софью за овдовевшего к тому времени Ивана Третьего, в качестве приданного глава католической церкви передал в Московию бывшую Царскую библиотеку Византии.

Как отметил в своей записке Прилуков, - «Папа и деньги съэкономил на приданном, и отправил на Русь выгодные себе

письменные источники, прикрываясь близкой Руси Византией. Особое внимание здесь привлекают ряд книг о черной магии, которые никак не могли относиться к Царской библиотеке византийского императора. Об этих книгах есть упоминания в некоторых дошедших до нас списках Дворцового и Тайного приказов. Можно предположить, что указанные книги, которые могли быть получены Ватиканом в ходе процессов инквизиции, были вложены в приданное Софьи Палеолог по указанию Папы Павла Второго. Цель очевидна – внести в Московию чуждые ей идеи сатанизма, злобы и неверия. Со временем сам факт присутствия на русской земле подобных книг мог быть использован нашими недругами в целях подрыва русского единства.

В этой связи нельзя исключать, что так называемая «Черная книга», которую увязывают с именем Якова Брюса, не была ему передана, как упоминается в неподтвержденной легенде, Великим мастером английской ложи И. Ньютоном, но уже была на территории Московии. Здесь она могла быть найдена (либо изготовлена) Брюсом по приказу Ложи».

В Москве Софья, напуганная частыми в деревянном городе пожарами, поручила итальянскому зодчему Фиорованти, работавшему тогда в Кремле, соорудить под одной из кремлевских башен подземное хранилище. Зодчий деньги за работу получил, а значит – хранилище построил. Речь шла о длинном подземном ходе и двух залах, где на полках и в сундуках хранились книги.

Сын Ивана Третьего – Василий Третий – отец Ивана Грозного, пригласил в Москву для работы в библиотеке афонского монаха Максима Грека, который 8 лет получал жалование за приведение в порядок и должное хранение книг. В кратком списке (большая часть которого утрачена), составленном Греком, названы книги таких авторов как Цицерон, Аристотель, Эразм Роттердамский. Книги, полный список которых, включая их количество, обнаружить не удалось, были, по записям Грека, на латыни, греческом и древнееврейском языках.

Последнее известное упоминание о библиотеке относится к 1568 году, когда Иван Грозный показывал её немецкому пастору Иоганну Веттерману, о чем пунктуальный немец сделал запись в своем дневнике.

По найденным Прилуковым материалам, о библиотеке и её месте нахождения знали лишь государи и специальные дьяки, которым под страхом смерти запрещалось сообщать эту тайну кому – либо ещё.

Отвечая на ранее заданный Голицыным вопрос о том, знал или нет Петр Первый о библиотеке, Прилуков писал, что прямые доказательства отыскать не смог, но прадед Петра, патриарх Филарет, его дед – Михаил Федорович и отец – Алексей Михайлович, были посвящены в эту тайну, о чем свидетельствует их переписка. Таким образом, по мнению ученого секретаря, Петр мог быть посвящен, но каким-то образом утратил это знание, поскольку есть его письмо к Лефорту о необходимости начать активные поиски библиотеки. Были даже выделены деньги на раскопки в Кремле. Но... деньги пропали, отчета о работах нет, а перебравшийся на берега Невы Петр Первый «забыл» о Либерии.

В заключение Прилуков просил Голицина способствовать началу новых поисковых работ.

Но...

Голицин скоропостижно покинул этот мир, и записка так и осталась у Прилукова, который понимал бесполезность её направления кому-либо иному, помимо своего благодетеля. Уничтожать итог своих трудов он тоже не стал. Он вшил записку в обложку своего дневника, который стал вести, чувствуя потребность делиться своими мыслями.

Итак, библиотека Иоанна Грозного не найдена, архивы Брюса, равно как и его магические атрибуты – утеряны. Пребывание в Русском географическом обществе и работа там бесперспективны. Жизнь для Н.А. Прилукова потеряла смысл.

В относительно свободном доступе остались лишь учебные материалы Брюса для его Навигацкой школы, несколько астрономических справочников и знаменитый агрономический календарь, которым вот уже больше века пользовались рачительные земледельцы.

Уже в Сибири, сидя вечером в одиночку за штофом казенки, утративший свою светскость Прилуков, тихо говорил кому-то невидимому в темном углу комнаты.

- Почему ты мне их не отдал? Я бы их даже не трогал. Просто хотел убедиться, что они есть. Хоть что-то должно быть!

И чудилось ему, что некто, худой, сутулый и высокий, в старинном парике и с черной шляпой в руках, тихо отвечает ему из тёмного угла комнаты.

- Зачем тебе? Соблазн это есть велик. Не ты, так другие во вред используют. Да и не было ничего! Люди должны во что-то верить. Вот и верят, кто в Бога, кто в Чёрта. Жизнь, она всё по местам расставит....

Так и прошел 19 век, заметный для нашего повествования лишь изменением статуса Брюсовой башни, в которой поставили огромные резервуары для питающего Москву Мытищинского водопровода, тем самым узаконив необходимость её охраны.

В воздухе отчетливо пахло войной, в которую тащили слабо упирающуюся Россию. Бездеятельный и безвольный император Николай Второй, завершив собой вырождение царственной фамилии, подвел страну к роковой черте, за которой краха России с упоением ждали новые владыки мира, не отягощенные ни голубой кровью, ни библейскими догматами о сострадании и любви к ближнему своему. В мире открыто правил золотой телец с тавром туманного Альбиона на своём крупе.

БАШНЯ РАЗРУШЕНА

Караул у Сухаревской башни стоял до 1924 года. Формальным основанием для этого пришедшие к власти Временное правительство, а затем и большевики, называли стратегическое значение для Москвы водопровода, но, как писали в своих воспоминаниях очевидцы тех событий, - «после ужасов войны и череды революций в народе исчез суеверный страх перед призраками, но окрепли мародерские настроения, перед которыми не устоял ни один из исторических памятников, предполагавший мало-мальский барыш».

Про мистические изыскания большевиков до и после прихода к власти не писал только ленивый. И про большевистскую символику, и про масонство многих видных членов нового руководства России, и про мистика Сталина. Про масонов К. Маркса и Л. Бронштейна (Троцкого). Про Великого магистра Ротшильда, помогавшего Герцену при условии антироссийской направленности статей последнего, а также большевикам в эмиграции.

Писали про Карельскую и Тибетскую экспедиции, организованные ГПУ, про мифических Блюмкина, Барченко, Гурджиева и Бокия.

Сколько перьев сломано при написании историй про создание и работу СЛОН – Соловецкого лагеря особого назначения, в котором трудились над работами по управлению сознанием человека мистик – каббалист Флоренский, художник – философ Виноградов и биолог Лихачев.

А еще была ложа «Единое трудовое братство», созданная в 20-ых годах заместителем Дзержинского Глебом Бокием и

сотрудником тайной лаборатории НКВД Барченко. Они занимались чисто мистикой, но совместно со своим «братом» Бехтеревым создали институт мозга, где продолжались исследования по воздействию на сознание человека.

Много написано про Николая Рериха, разведчика и исследователя таинственной Шамбалы. Ничего после него не осталось, кроме сомнительных по художественности картин самого Рериха.

И портретов Сталина, всегда изображенного в профиль или полупрофиль. Именно по совету Рериха вождь «всех народов» приказывал изображать себя так, дабы избежать порчи от направленной ему прямо в глаза мистической энергии.

Много писали про пирамидальный зиккурат (сакральное строение времен древнего Вавилона) мавзолея, якобы забирающего через специальную нишу энергию людей, марширующих по Красной площади.

После октябрьской победы большевиков масонство, питаемое братьями из эмиграции и родственными ложами Европы, продолжало активно действовать на территории России. Ведь перед своим уходом из мировой политики, в 1905 году последний Романов – Николай Второй восстановил деятельность масонских лож в России под эгидой французской ложи «Великого Востока».

Так, в 1926 году ОГПУ завело так называемое «дело тамплиеров». 9 толстых томов дела № 103514 содержало подробное описание деятельности анархо-мистической организации «Орден Света», члены которого считали себя продолжателями рыцарского Ордена тамплиеров. Несмотря на то, что на допросах масоны утверждали, что их целью является свержение советской власти, практических дел в этом направлении за ними зарегистрировано не было. Только мистические ритуалы, поскольку власть большевиков, по их мнению, суть есть воплощение Сатаны. При очень тщательном допросе адепты ложи

сдали своих коллег из «Храма искусств», охмурявшего творческую интеллигенцию двух столиц, а также «Орден духа» и мистиков – розенкрейцеров. По первому слушанию никаких мер в отношении масонов принято не было. И это – против врагов советской власти!

Дело было сдано в архив, откуда его дважды доставали – в 1937 и в 1941. И, наконец, на последнем слушании целая коллегия НКВД, куда входили Мессинг, Бокий и другие «оккультные» пролетарские бойцы, вынесла приговор – высылка в иные города России! Без ущемления прав и других частей тела!

В 1925 году в известный дом на Лубянке явился некто Борис Астромов. По его словам, он являлся Великим магистром петроградских лож «Пылающий лев», «Дельфин» и «Золотой колос». По добровольным показаниям Астромова, он объединил эти ложи в единую ложу «Автономное русское масонство». Он очень пытался поставить эту ложу на службу НКВД, обещая выполнять все его задания. Взамен он просил дать ему с семьей возможность уехать из России.

На вопрос, есть ли у них какие-либо ритуальные предметы культа, в том числе исторические, честно отвечал, что ложа является «новоделом», сакральной атрибутикой не владеет, но в инструкциях, полученных еще ранее от английской и французских лож, им рекомендовано упоминать о ритуальных «Черной книге» и перстне Судьбы, якобы находящихся на территории России и призванных изменить судьбу этой страны. При этом главной своей заслугой (перед советской властью) Астромов считал то, что ему «удалось» избавиться от кураторства со стороны западных лож.

Дело было расследовано с «величайшим тщанием» и в итоге сам Великий магистр получил 3 года лагерей, а его коллеги по ложе были высланы поодиночке в иные города России.

Таким образом, мой въедливый читатель, руками НКВД масонство было рассеяно по всей стране.

Пока мистика, которую усердно подпитывали в самой России, но пресекали на её восточных границах контролируемые азиатский регион англичане, они же ввели так называемую «золотую блокаду» Советской России. Страдающая от голода и разрухи, наша страна в те годы активно закупала за оставшееся царское и реквизированное золото технику и заводское оборудование на Западе. И именно тогда Лондон, а затем, под его финансовым влиянием, Нью-Йорк, Париж и другие европейские столицы приняли решение не продавать России технику за золото. Они требовали от большевиков только зерно, лес и нефть, прекрасно зная, что у нас в стране недород и сильнейший голод. Как результат, случился тот самый «голодомор», в котором мы потеряли 8 миллионов человеческих жизней, и итоги которого на политической арене ощущаем до сих пор.

И только в 1934 году эти санкции были отменены. Не из человеколюбия. Просто банкам Запада понадобилось золото.

Кризис, война надвигается... Ничего личного!

Но вернемся к Сухаревской башне. В 1934 году, по утвержденному плану реконструкции Москвы, составленным Л.М. Кагановичем, башню снесли. Целая группа московских мэтров искусства, живописи и архитектуры молили Сталина не делать этого. Но увы...

За год до сноса Башни к Сталину заходил его товарищ по семинарии и наставник в вопросах эзотерики Гурджиев. Зная загруженность вождя, Гурджиев был немногословен.

- Башню ты можешь снести. Это всего лишь правильно сложенные камни, хранящие дух великого «посвященного». И даже преследовать он тебя за это не будет, ибо не Башня была его Деянием, его Подвигом. Подлинный подвиг Брюса в том, что он нашел в себе силы не выполнить указание капитула Ордена и не способствовать разрушению Руси.

Но он мог оставить после себя сакральные предметы, некое знамя, которое может поднять неокрепшие умы на уничтожение устоев зарождающегося у нас нового общества. Именно это новое общество, опирающиеся на богатства земли и духовность наших народов, и есть главная цель наших врагов. Новая Россия возродится! Если не будет разбита на части и разрушена....

И это понимаем не только мы, но и наши заклятые друзья.

Не упusti ничего, что может помешать нам.

- Гура, ты знаешь, ЧТО надо искать?

- Нет, не вижу. Это может быть любой артефакт. Книга или перстень... Тень Брюса бродит по Москве. Давно хочу с ним поговорить.

- Ты веришь в легенды?

- Я верю в нас и в непримиримость врага.

- Здесь ты прав. Снова прав, как тогда, в нашей юности.

- Второй вопрос, Иосиф. Он тесно связан с первым.

- Чем еще хочешь меня напугать?

- Тебя пугать бесполезно. Ты сам кого-хочешь напугаешь...

Извини, но только я могу тебе это сказать. Ты знаешь, почему.

И Сталин знал. Еще в свои семинаристские годы он посещал кружок эзотерики, который вел семинарист старшего курса Гурджиев. Только он мог своей эрудицией поставить на место излишне горячего Иосифа Джугашвили.

- Итак, Иосиф. Надо возобновить поиски библиотеки Ивана Грозного, так называемой Либерики. Её основой стали книги бабки царя Иоанна, Софьи Палеолог, привезенные из Константинополя и Ватикана. Там тоже могут быть сюрпризы.

- Сколько её искали, всё без толку...

- Страшно, не то, что не найдем. Страшно – если найдут другие.

- Согласен. Кто будет искать? С кого потом спросить? С тебя?

- Нет, не возьмусь. Есть профессионал – Игнатий Стеллецкий. Он всю жизнь ищет Либерию и просит разрешения начать её поиски в Москве и в самом Кремле.

- Под меня копать будет? – вождь пытался шутить, хотя было заметно, что тема его заинтересовала.

- Надо – будет, - не стал сводить разговор к шутливой перепалке Гурджиев.

В 1933 году И. Стеллецкий начал раскопки. Рыли под Арсенальной башней, в Новодевичьем монастыре, в Китай – городе, под Сухаревской башней. Когда в ходе раскопок нашли систему подземных ходов на всей территории Кремля, под нажимом НКВД и коменданта Кремля работы были прекращены. Стеллецкий пропал в подвалах Лубянки, а вскоре исчез и Гурджиев.

А тогда, после ухода Гурджиева, поздно ночью, Сталин подписал приказ о том, что Сухаревская башня не должна быть взорвана, но разобрана по кирпичику, включая фундамент. Всех входящих и, особенно, выходящих со строительной площадки, следовало внимательно обыскивать, а все найденные предметы немедленно сдавать в ГПУ.

В развалинах фундамента действительно были найдены несколько сундуков с рукописями Брюса. После их внимательного изучения специалистами НКВД, документы были переданы «по назначению».

Описи самих документов и упоминаний о «Черной книге» либо перстнях, не сохранилось. Как не оказалось и перстня на останках Якова Брюса, вскрытых в ходе реставрационных работ в Немецкой слободе.

Но известно, что среди рукописей и схем летательных и плавательных аппаратов был детальным образом прорисованный план большой Москвы.

Москва, занимающая на карте Брюса огромную территорию, поделена расходящимися от Кремля направлениями – векторами на 12 секторов, соединенных круговыми, тоже вокруг Кремля, дорогами – проспектами. Каждый из секторов, в соответствии со знаками Зодиака, имел свое название – Военный, Приказной, Торговый, Морской и т.д.

На среднем из круговых колец, в местах его соединения с векторами, были прорисованы высокие башни-пирамиды.

В верхней части плана рукой Брюса было выведено – «Москва – сердце державы, а сердцу в другом месте не бывать!»

К Сталину были вызваны Каганович с московским архитекторами. Развернув перед ними план Брюса, Сталин спросил.

- Что скажите, светила архитектуры? Есть мысли по поводу изменения ранее составленного плана?

Лишь случайно попавший на это заседание вместо заболевшего коллеги К. Мельников, известный в Москве мистик, узнал руку Брюса и понял замысел Вождя.

- Всегда знал, Иосиф Виссарионович, что Брюс просчитал место столицы России и обустроил его в соответствии со звездным предопределением.

Все присутствующие во главе с Кагановичем замерли, ожидая страшной кары Мельникову за подобные «антимарксистские» и масонские слова.

Но хитрец Сталин лишь улыбнулся в свои рыжеватые усы и постучал трубкой о стол. Он хорошо знал историю о том, как инициатор переноса столицы в Москву Бонч-Бруевич, известный в

России масон и мистик, тоже ссылался на мнение Якова Брюса и даже приезжал в 1913 году к Григорию Распутину посоветоваться по вопросу о «месте силы» России. Распутин тогда поддержал идею Брюса о Москве как духовном центре нашей страны. Поддержал это мнение и Ленин, благодаря чему в 1918 году столица была переведена именно в Москву.

- Вот и хорошо. Вот вы, как вас – Мельников? и доработаете план реконструкции Москвы. В соответствии со звездным предопределением.

А когда все выходили из кабинета, добавил, повернувшись к окну.

- Жаль, башню уже снесли. Но ничего, новые построим.

Уже через три дня Мельников представил доработанный им план реконструкции города и даже схему метро, повторяющие в общих чертах рисунок Брюса.

Сталин пересчитал башни, поставив вопросительный знак на месте снесенной Сухаревской башни, подписал и отдал план Мельникову.

- Хорошо. Работайте. В этих башнях и люди должны жить.

И чтобы уже точно не отступить от плана, «предначертанного звездами», велел Сталин заложить одновременно семь фундаментов под семь высотных зданий. Чтобы потом не передумали!

Вождь прекрасно понимал опасность всех неконтролируемых попыток влиять на сознание людей, особенно современных ему советских, потерявших после всего пережитого моральный стержень единства. Он сквозь пальцы смотрел на игры в этом направлении подконтрольных ему людей, но опасался их выхода из сферы его внимания. Знал он опасность провокаторов - вожаков, разного рода идейных вдохновителей и ведомого ими людского

стада. Вооруженного, свирепого, безудержного. Ибо удержать тогда можно было только страхом.

Потому и репрессии, и ликвидации уже не нужного, но много знающего «человеческого материала».

Потом началась война. Не сумев в начале века разрушить и ослабить Россию голодом и гражданской войной, объединявшая в то время все антироссийские силы Англия вновь столкнула две по сути родственные, но очень амбициозные, страны – Россию и Германию. Только, если перед первой войной 1914 года, помимо интриг и закулисных пакостей, англичанам пришлось пойти на три знаковых убийства – эрц - герцога Фердинанда, Григория Распутина и германского посла в России Мирбаха, то для начала второй войны и убивать кого-либо значимого не пришлось. Лондон просто столкнул лбами упрямых Берлин и Москву, использовав твякающих Польшу и Чехию.

Уже ни у кого не осталось иллюзий, что Англия была готова стать союзницей Германии в войне с Советским Союзом. К этому было готово и правительство Великобритании, и даже её королевская семья, многие члены которых входили в нацистскую партию в самой Великобритании, либо явно симпатизировали Гитлеру. По крайней мере, весь эстеблишмент, или – по-русски, вся английская властная структура, была объединена ненавистью к России. Интересно, что после войны, когда Англия «по стечению обстоятельств» оказалась в числе стран – победителей и даже приняла участие в Нюрнбергском процессе, на самом туманном Альбионе не было открыто ни одного процесса против местных нацистов. И только бедолагу Гесса, по приказу фюрера героически прилетевшего на своем самолете из Германии договариваться о совместной борьбе с Россией, так и не выпустили из тюрьмы, а затем и убили. Слишком много знал....

Highly likely, то есть, весьма возможно, что лишь своим ярим антисемитизмом и потешными бомбардировками британских

островов Гитлер отпугнул английских банкиров, не понявших, что умные евреи уживались и с нацистами. И даже в самой Германии.

Во время войны ни Сталину, ни его сподвижникам было уже ни до Брюса, ни до Либери. Лишь один раз главнокомандующему напомнили о великом сподвижнике императора Петра.

В 1943 году Сталину доложили, что у Германии появился новый истребитель-бомбардировщик «Мессершмитт», превосходящий по своим характеристикам наши самолеты. На вопрос Вождя, откуда у немцев такой самолет, и почему о нем не было известно в СССР раньше, он не смог получить внятного ответа. Лишь вечером в кабинет Сталина зашел Берия со странного вида кожаной папкой.

- Вот, Иосиф Виссарионович, хотел вам показать, - Берия раскрыл папку и показал несколько желтых от времени листков со схемами летательного аппарата.

- Что это?

- Это чертеж Якова Брюса, на котором изображен в деталях самолет, почти идентичный нынешнему немецкому «Мессершмитту».

- Где ты взял эту схему?

- В архиве. Чертежи нашли при сносе Сухаревской башни в 1934 году.

- Почему промышленность не приняла тогда их в работу?

- Тогда их посмотрела техническая комиссия и не сочла полезными. Вот резолюция – «Леонардо да Винчи какой-то. Химера!»

- Кто так решил! К ответу негодяя!

- Никого из комиссии уже нет. Все оказались врагами народа!

- Поздно оказались, Лаврентий, поздно! Передай чертежи Лавочкину, Поликарпову и Туполеву. Может, пригодятся... Нельзя так бесхозяйственно относиться к историческим документам. А как эти документы оказались у немцев?

- Разбираемся, Иосиф Виссарионович.

- Выяснить и наказать виновных!

Но поезд уже ушел. И сейчас уже никто не скажет, были ли использованы нашей оборонной промышленностью схемы Брюса, явно созданные, как справедливо отметил председатель тогдашней технической комиссии, на основе чертежей великого Леонардо да Винчи. То есть, утечка информации и тогда была поставлена на широкую ногу – из архивов Ватикана, где хранились рисунки да Винчи, к масонам, от которых и получил их Яков Брюс.

Вероятно.

А уж как из Советской России чертежи Брюса попали в фашистскую Германию, тут и гадать не надо. Известно, как в 20-ые и 30-ые годы сама нищая, но солидарная с обиженными всего мира, Советская Россия помогала униженной по итогам Первой мировой войны Германии восстанавливать её вооруженные силы.

В годы «холодной» войны мистика, казалось, была вычеркнута из жизни нашей страны, а нашим противникам не надо было разыгрывать «черные» карты. Да и советский народ, ведомый другими идеалами, не так охотно откликался на разную чертовщину, не давая себя разобщить принадлежностью к тому или иному «судьбой predetermined» классу.

Но...

В 1982 году, под влиянием неустановленных «патриотов российской истории» руководством Москвы было принято решение восстановить Сухаревскую башню. Был объявлен конкурс на лучший проект, определены участвующие организации. Пока готовились проекты, участникам разрешили вести изыскательские

работы на месте сноса Башни, с целью определения сохранности старого фундамента, возможности его использования для нового строительства, а также наличия других исторических объектов на данном месте.

В комиссию по исследованию исторической стороны проекта был включен доцент кафедры истории МГУ Николай Александрович Прилуков, признанный специалист по эпохе Ивана Четвёртого «Грозного» и ярый приверженец славянофильской версии истории России.

В свои неполные 35 лет этот без пяти минут доктор исторических наук был спортивен, увлекался альпинизмом, имел опыт спелеологических экспедиций. Именно поэтому ему поручили возглавить исследование подземной части фундамента разрушенной Башни и её окрестностей. По совету друзей – спелеологов он обратился к неформальным исследователям подземной Москвы, гордо именовавшим себя диггерами.

Историк Прилуков знал, что диггерское движение возникло в Лондоне во время английской буржуазной революции. Тогда диггеры, или, как они себя называли, «истинные левеллеры» под предводительством эскайдера Джеральда Уинстенли, провозгласили своей целью борьбу за всеобщее равенство и ликвидацию частной собственности на землю. В знак протеста они ушли в лондонские катакомбы, откуда вели практически партизанскую войну.

Поэтому нашему доценту было не совсем понятно появление «городских партизан» в Москве, в конце 20-ого века. Но, познакомившись с ними, он проникся романтикой их увлечений и даже сумел официализировать их статус при комиссии, платя за походы «внутрь» какие-то деньги.

Опуская специфику подземных изысканий и пропуская такой увлекательный раздел, как диггерские байки, рассказанные под портвешок и дешевые сигареты в скромных, но таких безразмерно

– уютных московских кухоньках, перейдём сразу к итогам их работы.

Диггерам удалось подтвердить наличие пяти подземных ходов от фундамента Башни в разные районы Москвы. Один из ходов заканчивался под так называемым домом Брюса, на 1-ой Мещанской. Пройти по ходам удалось не так много, несколько сот метров. Дальше дорогу преграждали завалы или иные коммуникационные туннели. Сопровождавшие диггеров «специально обученные» сотрудники чего-то очень секретного, консультируясь со своими такими же секретными картами, которые они берегли, как зеницу ока, и не показывали даже «уполномоченному» Прилукову, настоятельно рекомендовали не трогать эти коммуникации и «не лезть дальше».

Продолжая путь туннелей карандашами на своих картах, диггеры установили, что второй из них шел в направлении Кремля, а остальные... Можно было только гадать.

Состояние фундамента снесенной Башни диггеры и приглашенные специалисты – строители оценили, как «превосходное, годное для использования в качестве опоры вероятного подобного сооружения».

Ничего существенно интересного тогда найдено не было, за исключением пары скромных кладов москвичей, спрятавших свои скудные ценности то ли от французов, то ли от своих, русских.

На одной из слепоходных посиделок, когда прикрепленные к диггерам «специально обученные» ушли «на базу», Прилуков, разговорился с одним из диггеров, по глаза заросшим рыжей бородой, переходящей в никогда не стриженные волосы под вязаной шапочкой. Бородач оказался тоже историком, окончившим один из московских вузов, но не нашедшим себя в системе государственных образования и науки. Кандидатскую он так и не защитил. Но была она по теме «Раннее русское масонство. Роль в нём Ф. Лефорты и Я. Брюса». Не надо было быть

ясновидящим и магом, чтобы понять – кто именно зарубил эту тему талантливому исследователю. По мнению того же талантливого исследователя.

В каком-то приливе откровения Прилуков рассказал коллеге о своем прапрадеде, его сохранившемся дневнике, в котором есть записи о тех, давних, исследованиях, и даже обещал показать его «из своих рук» бородачу. Глаза того разгорелись, и он, в таком же наитии, рассказал о том, что у его знакомого хранится пояснение к плану перспективы развития Москвы самого Брюса. Прилуков знал о существовании этого плана, сам видел его копию в архиве Дома архитектора, но никогда не слышал о пояснениях к плану. На прямой вопрос – откуда? – бородач замялся, мол, у всех свои тайны.

Договорились, что на неделе встретятся у Прилукова, покажут друг другу фотокопии документы, разрешат сделать выписки, но не более.

Сказали – сделали.

В пояснении к своему плану развития Москвы Брюс подробно, с астрономической привязкой и астрологическими вычислениями писал, в каком из районов Москвы каким профессиям жить надлежит. Всё это в общих чертах было указано и на самом плане, взятом Сталиным за основу московского строительства.

Прилукова заинтересовали следующие замечания Брюса о Москве, которые он выписал в специальную памятку.

«Жить москвичам лучше всего в Кузьминках, а гулять – на Пресне». Самым разгульным и пьяным местом обозначено место, где стояло здание СЭВ, а ныне – дом правительства.

«Самые гиблые места Москвы – Перово и начало Кутузовского проспекта». Место это, у нынешней гостиницы «Украина» ныне получило прозвище «бермудский треугольник» и за сутки собирает столько ДТП, сколько вся остальная Москва.

На участке же Лефортова, где ныне проложен печально знаменитый тоннель, рукою Брюса нарисован знак Сатурна и поставлен жирный крест.

На заседании комиссии по вопросу восстановления Сухаревской башни Прилуков сделал доклад об исторических исследованиях фундамента. При упоминании подземных ходов члены комиссии заметно занервничали, но Прилуков успокоил собравшихся, подчеркнув, что «с соответствующими службами всё согласовано».

В завершение доклада Прилуков зачитал сделанную им памятку. Тут даже председатель заёрзал, попросил у докладчика его тезисы и настрого предупредил.

- Нечего устраивать балаган из серьезного дела. Откуда эти цитаты?

- Из архивной схемы самого Брюса. На обороте написано. Им самим, - не смущаясь ответил Прилуков, точно зная, что никто из начальников в архив не полезет. Знаковые дома никто не тронет, но квартиры свои поменяют...

Так всё и произошло. И ещё – Башню решено было не восстанавливать. Денег не нашли, да и незачем.

Извечное наше – как бы чего не вышло!

Одно хорошо – диггерам и примкнувшему к ним Прилукову выписали премию. Которую, всеобщим голосованием, решено было...

Отмечали в маленькой шашлычной напротив Моссовета. Чтобы не нести деньги далеко от кассы.

Через пару часов за столиком остались только Прилуков, бородач, диггерский предводитель и незаметно подошедший к ним седоватый мужчина в неприметном костюме. Своим видом он

явно походил на «специально обученного», но и предводитель и бородач, видя замешательство Прилукова, одобрительно кивнули головами – «Спокойно! Мин нет!»

«Специально обученный» не представился. Видимо, так было принято в их «подземной братве». Предводитель пытался, было, как-то обозначить вновь прибывшего для Прилукова, поскольку бородач явно его знал.

- А это, Коля, наш старый знакомый – майор Петров. Как там тебя по имени – отчеству?

- Да зовите меня просто – Майор. Они все меня так зовут. Я привык. Тем более, имена в этой среде не приняты. Всех знают по позывным и псевдонимам.

- Тогда я – кто? – удивился Прилуков.

- Салага! – в один голос ответили бородач и предводитель.

Разряжая обстановку, незнакомец улыбнулся всем открытой приятной улыбкой и заказал, что положено.

Бородач, не раскрывая источника, рассказал, что ему удалось получить новые данные к своей диссертации, из заголовка которой он, по совету друзей – кивок в сторону Прилукова, убрал упоминание о масонах. И поднял тост – «За тех же друзей, с помощью которых он надеется всё-таки защититься, а затем устроиться преподавателем истории в школу, не бросая при этом «подземелье». Все его дружно поддержали.

Затем Прилуков, также не раскрывая источников, рассказал о том, какое впечатление на представителей московских властей произвело предсказание Брюса о неблагополучных районах города.

Так, в непринужденной беседе и бесконечных байках, прошел остаток вечера. Под благовидным предлогом диггеры ускользнули из шашлычной. Явно, допивать без свидетелей. А Майор и

Прилуков пошли по ночному бульвару, наслаждаясь тишиной и свежим воздухом.

- Хорошее дело мы с вами сделали, - начал Майор.

- Чего же хорошего? Башню восстанавливать не будут, библиотеку и наследство Брюса не нашли. Только ребят, вон, удалось немного обелить в глазах московских властей. А то уж больно не любят они этих городских копателей.

- Диггеров приподняли – это, конечно, хорошо. Может, когда и доберутся до официально признания и статуса. Они ведь могут быть полезны. Когда не мешают. Но главное – нам удалось не навредить.

- Не порушить ваши коммуникации, которыми вы, как черви огород, подкопали всю Москву?

- Ну, не всю Москву, а только её центр. Окраины еще копать и копать, а в центре не мы начали. Первые ходы еще до христианской эры рыли. А там и природные катакомбы есть. Вам про реликтовое море подо всей Москвой рассказывали? Куда город потихоньку сползает?

- Нет, ничего не слышал об этом...

- Молодцы, диггеры, держат язык за зубами.

- Зато про то, как сундуки с книгами за тайной дверцей увидели, а потом воду прорвало и весь туннель затопило, наверняка рассказывали?

- Да, слышал эту байку о том, как библиотека Ивана Грозного – Либерия, в руки не далась.

- Ну, байка не байка, а может и хорошо, что не далась. Не пришло еще время....

- Майор, да вы тоже в тайны эти верите? Заклятье на библиотеку и на наследие Брюса. Его загадочный перстень,

который может изменить судьбу человека и всей страны, «Черная книга» и другая фантазмагория.

- Этот ваш пращур всё в своем дневнике описал?

- Откуда вы? Бородач... А я ему искренне помогал.

- Нет, не он. Мы давно знаем историю вашей семьи, знаем про дневник вашего прапрадеда. А то пустили бы вас в подземелья Москвы с допуском от московского исполкома. Что касается моей веры в мифы и легенды, то вопрос этот не простой. За столько лет под землей всего наслушаешься и насмотришься. Знаете, что общего у оперативника и преступника? Есть, что вспомнить, рассказать некому. Потому, кроме откровенных химер и галлюцинаций, я усвоил для себя простую истину – есть историческая логика в каждом явлении и действии. Кто её устанавливает, Бог ли, судьба, разум ли космический – это не так важно. Жить надо по совести. И человеку, и всей стране. Тогда и сложится всё правильно. Может не при жизни отдельного индивида, либо даже поколения, но в целом истина всё равно восторжествует.

- Да вы – философ! Учились на историческом или философском?

- Заканчивал я иное учебное заведение, но смею вас уверить, что знания давали там добротные. А главное – учили мыслить и докапываться до правды.

И еще хотел поблагодарить за совет, который вы дали нашему бородатому диггеру в отношении темы его диссертации. Масонство – вопрос скользкий, не один исследователь на нём шею сломал.

- А сами вы как к нему относитесь?

- К счастью, я к нему не отношусь. Но если серьезно, то отношусь нейтрально. Вы же историк, знаете, что возникло масонство как реакция прогрессивных людей на косность и

заскорузлость средневековья, на церковные ущемления науки. Это было стремление к познанию, к поиску нового в себе и вокруг себя. Вы знаете, что до 18 века в масонские ложи входили все заметные политические и государственные деятели, ученые мужи, деятели искусств. Ложи стали своеобразным социальным лифтом, помогавшим людям, без рода и племени, а также толстого кошелька, занять видное положение в обществе. Ведь ваш пращур – Прилуков, Александр Николаевич, кажется? - тоже пошел в масоны не из корыстных побуждений?

- Откуда вы все знаете о моем прапрадеде?

- Ладно, открою вам служебную тайну. У нас хранится объяснительная вашего отца по поводу дневника. На него «навели» его недоброжелатели. Но во всем разобрались, ничего предосудительного не нашли и даже дневник в семье оставили. Хороший следователь тогда ему попался, повезло вашему отцу. Да и вам.

Так вот о масонах. Созданные как просветительские кружки, ложи постепенно превратились в закрытые элитные общества, занимавшиеся личными и политическими делами тех, кто вошел в верхушку их иерархии. Строгая дисциплина, страх перед исключением из ложи (а, следовательно, и из высшего общества), обет молчания – всё это делало ложи идеальной организацией для заговоров и интриг. Хорошо известна роль масонских орденов в подготовке мировых войн и экономических кризисов. Потом, с укреплением международных финансовых структур, именно они взяли на себя роль вершителей судеб мира. А сами масонские ложи постепенно мельчали, оставаясь по сути чисто ритуальными организациями на потребу снобистских устремлений некоторых членов общества, желавших таким образом подчеркнуть или возвысить свой социальный статус.

Эк я завернул! Как на лекции общества «Знание»!

Зато стало удобным сваливать на масонов ответственность за происходящие с нами неприятности. Еще бы, чуть что – масоны виноваты! Да еще и какую-нибудь национальность к ним привязать.

Мне ясен ваш интерес к фигуре Якова Брюса и его старшего товарища – Франца Лефорта. Сам активно читал и искал материал по ним, особенно когда судьба под Москву завела. Эти люди как раз и являются живым примером того, как устремленный человек в своем развитии отрицает навязанные ему прежде идейные установки и идет самостоятельным путем.

Но здесь важно не само масонство этих людей, которое, кстати говоря, так до конца и не доказано. Важна атрибутика, приписываемая Брюсу и так охотно до сих пор обсуждаемая в нашем обществе при каждом социальном всплеске. Вы заметили, как растет число целителей, магов и ясновидящих при нарастании социального напряжения в обществе?

Мои коллеги, специально занимающиеся социальными исследованиями, утверждают, что эта категория лиц является свидетельством нарастания негатива в обществе, а их популярность свидетельствует о том, насколько быстро этот негатив может выплеснуться на улицы. А ведь их действиями можно руководить, и направлять их в нужное русло.

Здесь-то и важна атрибутика, всякие сакральные предметы, к которым привлекается внимание толпы и которые одним своим видом, и связанными с ними мифами, оправдывают любые поступки.

Потому и рад я, что не нашли до сих пор ни «Черной книги», ни перстня Брюса. Они ведь могут менять судьбу человека и целых народов! Представьте себе, что они попадают в умелые руки, которые знают, как манипулировать сознанием масс. Нет, пусть уж всё остается, как есть. Сами разберёмся со своей судьбой!

- Потому вас устраивает, что Башня не будет восстановлена? А то она одним своим видом может сподвигнуть кого-либо на противоправные действия...

- Не надо ёрничать, - голос Майора стал строгим, - просто подумайте над моими словами. Земля круглая, может, когда -нибудь свидимся и обсудим то, о чем сегодня говорили.

А тому, что Москву в этом месте не будут рыть, я действительно рад, хотя в целом моё ведомство и поддержало идею восстановления Башни.

В МЕСТО ЭПИЛОГА

Минуло почти тридцать лет. Ничтожный в историческом плане временной отрезок вообрал в себя судьбу двух поколений, на себе познавших наш проигрыш в «холодной войне» и пытающихся приспособиться к жизни в системе «западных ценностей».

Вступительное слово на открывшейся в Историческом музее Москвы экспозиции «Москва Петровская» сделал известный ученый – историк, доктор наук и почетный профессор ряда учебных заведений России и принявшего нас в свои объятия Запада Н.А. Прилуков. В свойственной ему энергичной манере он рассказал о немеркнущем значении Истории для жизни сегодняшнего и завтрашнего поколений россиян, а также о счастье видеть своими глазами эти черепки, монеты и украшения, напоминавшие о нашем прошлом. Глядя в упор на стоявших в первом ряду представителей московской мэрии и строительных компаний, спонсировавших выставку, профессор не преминул поблагодарить за активную «точечную» застройку Москвы, «открывшую столько прекрасных артефактов».

К самой экскурсии Прилуков не примкнул, дав нагнанным экскурсантам насладиться чем-то там, в витринах, и точеными ножками девушки – экскурсовода. Он отошел к постоянной экспозиции музея, встав у стенда фотографий старой Москвы...

- Что, Прилуков, башней своей любуетесь? – услышал за спиной знакомый голос. Дружище Альцгеймер еще не посетил профессора, и он, быстро проникнув в глубины своей памяти, узнал этот голос.

- Майор? – не поворачиваясь, проверил он свою догадку.

- Он самый! Молодец, узнал. Только не Майор, а целый Полковник, правда с прицепом к званию – «в отставке».

Перед профессором стоял всё тот же знакомый «специально обученный» из сообщества московских диггеров, только совсем седой.

После короткой вступительной части, в ходе которой Полковник сообщил, что теперь преподает в особом учебном заведении, где и живет, а в Москву приехал на экскурсию и случайно забрел на экспозицию.

- Хотел посмотреть, что с бывшим музеем Ленина сделали, а организаторы на эту экспозицию затащили. Бесплатный кофе с пирожком обещали. Пирожок пробовать боюсь, а вот по чашечке кофе я бы выпил. Не шашлык с портвейном, но...

И вот в пустом буфете они словно продолжили разговор, начатый почти тридцать лет назад.

- Ну что, Профессор, не жалеете теперь, что тогда башню Брюса не стали восстанавливать?

- У меня было много времени, Полковник, обдумать ваши слова. Признаю, вы были правы. Не те это были времена, чтобы обнажать фундамент истории. Да и сейчас, строго между нами, считаю, что время еще не настало. И если раньше был риск просто упустить реликвии в нечестные руки, то теперь к этим рукам прибавилась возможность получить ложный артефакт, который всё равно превратят в реликвию или символ. А поскольку наша спокойная наука – История сейчас приобретает всё более воинственный характер, то реликвия может стать и знаменем войны. Или, не дай Бог, переворота. А сама новая Башня может превратиться в какой –нибудь новый храм неповиновения, или возрождения новой России!

В общем, вы были правы, Полковник!

- Да, Профессор, я всегда скептически относился к истории как науке, считая её набором цифр, дат и догм. Но сейчас вижу – если её представители умеют делать обоснованные выводы, то ваша муза Клио не зря пьет свой нектар на Парнасе!

- Полковник, вы продолжаете изумлять меня своей эрудицией.

- Положение обязывает. Я ведь тоже своего рода профессор. Лекции молодым читаю. А они, молодые, хоть и салаги, но палец в рот не кладут. Всё проверяют! И если раньше для этого приходилось, как нам, ночи в библиотеке сидеть, то теперь достаточно пальцем на клавишу нажать.

Не спорьте! Согласен, что Сеть – это помойка, инструмент манипулирования, особенно, неокрепшими умами, и верить ей нельзя. Но ведь удобно!

Целиком согласен с вашими выводами о судьбе артефактов и, к счастью, невозстановленной Башне. Заметьте, как быстро все эти новые сакральные места, начиная с мавзолея и величественных памятников Сталину, а заканчивая новоделами – Фондом Горбачева, Домом русского зарубежья имени Солженицына и Центром Ельцина, становятся местами притяжения недовольства и негативного настроения населения. Достаточно найти умелых трибунов, которые, как в своё время Троцкий, могут увлечь за собой массы, и новый пожар неизбежен. Зарубежные спонсоры активно работают в этом направлении на фоне нашей толерантности и фактического благодушия и безделия! Здесь достаточно искры...

А новой гражданской войны наша страна уже не переживет. По крайней мере, в её нынешних границах.

- Полковник, а вы не перегибаете палку? – на всякий случай Прилуков оглянулся по сторонам.

- Не дрейфь, Салага. Полковник перегнуть не может. На то он и Полковник. Даже - «в отставке». Может, по шашлычку? С коньяком. Погоны угощают!